

РАДЖАБ ХИДИРОВ

**ЛЕКСИКА ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКОВ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКОВ :
ИЗМЕНЕНИЯ И НОВАЦИИ**

Душанбе – 2010

ББК

Печатается в соответствии с решением Ученого совета Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни от 27.04.2010 г., протокол № 5.

Ответственный редактор: д.ф.н., профессор **А.Бердиалиев**

Рецензенты: д.ф.н., профессор **Г.Джураев**
д.ф.н., профессор **Ф.К.Зикриёев**

В монографии рассматривается лексика таджикского и узбекского языков конца XX – начала XXI веков с точки зрения динамики её развития и с учетом происходящих в них трансформационных языковых процессов.

Исследование может найти широкое применение при чтении спецкурсов и спецсеминаров по лексике и лексикологии, а также в лексикографической практике.

Р.Г.Хидиров

Ш-54 Лексика таджикского и узбекского языков конца XX начала XXI веков: изменения и новации. Душанбе: «Ирфон», 2010 г., 151 с.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	
1. Некоторые вопросы определения явлений языка и речи.....	5
2. Литературный язык и литературная речь.....	9
3. Парадигматика и синтагматика в лексике литературного языка	12
Раздел I. Экстралингвистические факторы появления новых лексических единиц	
1.1. Социальная функция языка и объект речи	20
1.2. Изменения в литературной речи и отдельных словах.....	24
1.3. Особенности влияния социальных факторов	33
1.4. Макросоциальные и микросоциальные факторы	39
1.4.1. Основные факторы изменения литературной речи ..	42
1.4.2. Общественно-политические микросоциальные факторы	46
1.4.3. Социально-экономические микросоциальные факторы...	51
1.4.4. Научно-технические и творческие микросоциальные факторы	54
1.4.5. Научно-педагогические микросоциальные факторы	57
1.4.6. Микросоциальные факторы культурно-просветительской сферы и искусства.....	60
1.4.7. Микросоциальные факторы печати и средств массовой информации	62
1.4.8. Микросоциальные факторы братства и содружества...	64
1.4.9. Микросоциальные факторы военно-оборонительные сферы	66
1.4.10. Микросоциальные факторы быта и бытового обслуживания	67
1.4.11. Микросоциальные факторы традиционно-исторической сферы.....	67
1.4.12. Микросоциальные факторы духовно-идеологической сферы	68
Раздел II. Тематические группы новых лексических единиц конца XX – начала XXI веков	
2.1. Некоторые теоретические вопросы номинации	71
2.2. Тематические группы слов.....	85
2.2.1. Лексические единицы сферы социально-политической жизни общества.....	85

2.2.1.А.Лексические единицы идеологической сферы.....	87
2.2.1.Б.Лексические единицы экономической сферы	89
2.2.1.В.Лексические единицы культурно-просветительской сферы.....	91
2.2.1.Г. Лексические единицы делопроизводства, государственных документов.....	93
2.2.2. Лексические единицы науки и её отраслей.....	94
2.2.2.А. Лексические единицы сферы юриспруденции....	94
2.2.2.Б. Лексические единицы сферы психологии	95
2.2.2.В. Лексические единицы сферы языкознания.....	95
2.2.2.Г. Лексические единицы сфере литературоведения.	97
2.2.2.Д. Лексические единицы сферы искусствоведения..	97
2.2.2.Е.Лексические единицы сферы медицины и здравоохранения.....	100
2.2.2.Ё. Лексические единицы сферы анатомии.....	101
2.2.2.Ж.Лексические единицы сфере географии.....	103
2.2.2.З. Лексические единицы сферы астрономии	103
2.2.3. Отраслевые лексические единицы	104
2.2.3.А.Лексические единицы сферы печати и средств массо- вой информации	104
2.2.3.Б.Лексические единицы сферы техники.....	105
2.2.3.В.Лексические единицы сферы военно-оборонительной жизни и физкультуры.....	107
2.2.3.Г. Лексические единицы сферы строительства.....	108
2.2.3.Д.Лексические единицы наименований предметов быта и профессий.....	109
2.2.3.Е.Ономастическая лексика.....	110
Раздел III.Отношение новых лексических единиц к лите- ратурной норме таджикского и узбекского языков	113
Заключение	129
Использованная литература.....	134

Предисловие

1. Некоторые вопросы определение явлений языка и речи

У японского народа существует поговорка, содержание которой заключается в том, что язык является одним из основных факторов при определении живучести народа. Состояние языка, его развитие соотносительно зависит от уровня развития и совершенствования мышления общества, которое общается на этом языке. Действительно, язык полностью зависит от политического, духовно-просветительного развития народа, от развития в области его культуры, ибо он является одной из особенностей определения политической, экономической, социально-духовной среды общества.

Состояние социально-экономического развития оказывает влияние на все сферы общественной жизни, а также и на состояние языка. М.И.Калинин справедливо отмечает, что язык осуществляет не только коммуникативную потребность людей, но он функционирует и в качестве идеологического, и психического их вооружений. Поэтому любые изменения в политической, экономической, духовной и культурно-просветительской жизни общества отображаются во время в его языке через речь (83, 112). Изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни, носят характер общенародности и в определённой мере служат для развития и увековечивания культурно-художественного богатства всех народов, независимо от того, к какому социально-политическому строю они относятся.

Любые изменения, которые в первую очередь постепенно превращаются в факты языка, отражаются в речи. Осуществление новых понятий в мышлении человека происходит через речь. Поэтому она является производством

конкретных высказываний, которые могут быть во всей своей конкретности записаны на магнитофон (звуковая сторона речи), вместе с ситуацией запечатлены звуковым стереокино (это даст ключ к значению высказывания). Другими словами, речь – это конкретные части (высказывания) на конкретном конвейере (145, 199).

Учение о разграничении языка и речи началось с научных разработок В.Гумбольдта. В противовес представлениям младограмматиков, для которых реальной была лишь речь индивида, Ф. де Соссюр выступал с утверждением, что язык не в меньшей степени реален, чем индивидуальная речь (71, 48). Поэтому каждое понятие, денотат которого является экстралингвистическим понятием, выражается определёнными индивидами индивидуально. Превращение его в элементы языка обусловлено превращением его от индивидуальности к общему. Итак, речь и её элементы общие, отвлеченны, т.е. абстрактны. Функция основного коммуникативного средства языка имеет тесную связь с обществом, ибо развитие и усовершенствование языка находится в прямой зависимости от развития и усовершенствования общества. Язык и общество закономерно взаимосвязаны друг с другом. Любые реальные действия в той или иной форме в первую очередь отражаются в языке. К.С.Горбачевич совершенно справедливо отмечает, что речь – это зеркало жизни общества (48, 36). Закономерности развития языка зависят от объективной закономерности развития общества. Любое изменение в общественной жизни тотчас проникает в словарный состав языка в качестве единицы речи, постепенно превращаясь в единицу языка. Это даёт основание для определения характеров явлений языка и речи: первичным является речь, а вторичным – язык, что, в свою очередь, подтверждает суждение о том, что речь важнее, чем язык. Тем не менее, следует сра-

зу отметить, что сказанное нами относится лишь к характеру индивидуальности речи, не коллективности языка.

Лексика языка функционирует как промежуточная зона в языке. Все новые слова, вначале являясь единицей речи, находятся в лексике, через которую они проникают к другим языковым ярусам. Речь, являясь индивидуальным явлением, активно влияет на появление новых закономерностей в языке, а также - на прекращение существования отдельных уже устаревших языковых закономерностей.

Ф. де Соссюр считает, что язык – это явление собственно психическое, а речь – явление психофизическое. Он пишет, что «Язык – не деятельность ... говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; ... наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума ...» (177, 52). Далее Соссюром определены отличия языка от речи пятью признаками: а) язык – социален, речь – индивидуальна; б) язык – системен, речь асистемна; в) язык – потенциален, речь – реальна; г) язык – синхроничен, речь – диахронична; д) язык – сущность, речь – явление (90, 72).

Следует отметить, что язык и речь существуют неотделимо друг от друга и они взаимообусловлены. Язык существует в коллективе в форме совокупности впечатлений, имеющих в каждом мозгу, примерно как словарь, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в использовании многих лиц. А речь – сумма всего, что говорят люди, и она включает индивидуальные сочетания и акты говорения. Проявление речи индивидуально и мгновенно. Язык и речь, вместе составляющие языковую деятельность как ее две части, тесно связаны между собой и предполагают наличие друг друга. Язык необходим для того, чтобы речь была понятна. Исторически факт речи всегда предшествует языку. Язык – одновременно орудие и продукт речи, чем они и взаимосвязаны друг с другом (71, 51).

Взаимосвязь между единицами языка и речи равна взаимосвязи между закономерностями диалектики, единичности и общности. В этом язык и его единицы характеризуются общностью, а речь и её единицы - единичностью (137, 14). Наличие различия между языком и речью и между их единицами является одним из основных факторов для разграничения объекта научной дисциплины, изучаемого языка и речи. Следовательно, определяется объект научных дисциплин, в которых изучается язык и речь. Точка зрения Ф. де Соссюра по данному вопросу заключается в том, что язык является предметом лингвистики, а речь – предметом других, нелингвистических наук. Действительно, речь является предметом литературоведения, психологии, логики и т.д.

Один из ведущих представителей американской структуральной лингвистики Н.Хомский отмечает, что в мозге ребёнка образуются некоторые элементы структуры языка, которые с ростом ребенка они используются в его речи, совершенствуются и превращаются в настоящие единицы языка (218, 2).

Методологические основы изучения языка, характер социального явления языка, влияние объективного мира на язык, зависимость развития и усовершенствования языка от общественной жизни его носителей – важнейшие факторы при определении существенного характера языка.

Таким образом, функционирование языка, его развитие и усовершенствование зависит, прежде всего, от состояния развития социальной жизни общества и характера функционирования в обществе речи, материалом для которой является язык. Поэтому язык и речь неразрывно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг с другом, что подтверждается характером фактического материала настоящего исследования. Речь соотносительна жизненным условиям носителей языка. Один из крупных специалистов таджикско-

го языкознания Н.Маъсуми справедливо отмечает, что жизненные условия конца XIX и начала XX века в сравнении с предыдущими временами были весьма сложными и противоречивыми, но для дальнейшего развития таджикского литературного языка и демократизации языка, стиля и литературы являются очень важными (112, 115).

2. Литературный язык и литературная речь

Язык состоит из несколько взаимосвязанных между собой функциональных разновидностей, что характерно и для речи. Прежде всего, речь разделяется на литературную и общенародную, которые напоминают выделение языка на литературный и общенародный. В свою очередь, имеется различие между языком и речью при их разделении на литературные и общенародные формы. На основе литературной функциональной формы языка берутся определённые нормы – «регуляторы правильности литературного языка и его устойчивости» (95, 17). Литературной нормой определяется собственный характер литературного языка, в то время, как норма в речи почти отсутствует. В основе литературной речи лежат общенародный разговорный язык, язык индивидуальных образов и персонажей, экстралингвистические элементы, а также элементы территориальных языков – диалектов и местных говоров, многие из которых характеризуются наличием в них окказионализмов.

О характере структуры литературного языка академик В.В.Виноградов писал, что «... структура литературного языка определяется двумя существенными признаками:

- 1) своеобразием грамматической системы;
- 2) лексикологическим инвентарём (40, 12).

В свою очередь, и литературная речь состоит из двух основных разновидностей: 1) книжно-литературная; 2) разговорно-литературная. Обе разновидности литературной речи

близки друг другу по лексическому составу и грамматическому строю. Вместе с тем, наблюдаются и различия, которые относятся к другим сферам литературной речи. Литературная речь бывает и письменно-литературной, и разговорно-литературной*. Следует отметить, что литературный язык является не только средством общественных взаимоотношений, но и формой индивидуально-творческих отношений. Структура индивидуально-творческой литературной речи определяет норму развития литературно-книжной речи (ср. язык Фирдоуси, язык Джамии, язык Алишера Навои, язык Пушкина, язык Есенина и др.). Всестороннее изучение литературного языка является одним из существенных факторов при научно-теоретическом выявлении многих кардинальных проблем диалектологии, стилистики и других прагматических аспектов языкознания.

Каждый политико-экономический строй создаёт оптимальные условия для функционирования языка определённого народа, в данном процессе развивается и совершенствуется и язык, при помощи которого осуществляется основная коммуникативная потребность членов данного человеческого коллектива. Однако, влияние новых политико-экономических и других изменений в общественной жизни на язык создаёт и отдельные неудобные социальные ситуации, что временно препятствуют нормальному функционированию некоторых единиц отдельных пластов лексики, которые были полностью освоены членами определённого языкового коллектива. Как известно, словарный состав литературного языка состоит из множества разнообразных лексических единиц, многие из которых являются заимствованными из других языков, а некоторые из них относятся к местным диалектам. Имеются лексические единицы, которые носят характер устаревших – архаизмов, исто-

* Характеристика этих разновидностей литературной речи не входит в задачу нашего исследования.

ризмов и хронизмов. Среди них имеются и лексические единицы, функционирование которых только что началось, т.е. неологизмы лексической и семантической разновидности. Здесь считаем уместным напомнить мнение академика В.В.Виноградова о том, что с точки зрения социальных расслоений и культурно-общественных функций литературный язык представляет сложную систему взаимодействий устной и письменной речи, с одной стороны, и между профессионально-жаргонными типами и письменными жанрами, с другой стороны (40, 13).

Всё вышесказанное применимо и для состояния таджикского и узбекского литературных языков, литературной таджикской и узбекской речи конца XX – начала XXI веков. Когда распался бывший СССР, все национальные республики объявили свою независимость, стали самостоятельными государствами, государственными языками которых стали языки титульной нации. Помимо этого усилилось влияние ислама на население каждой самостоятельной мусульманской республики, включая Таджикистан и Узбекистан. Все эти экстралингвистические факторы существенно повлияли на состояние языка и на функционирование отдельных лексических единиц словарного состава, который раньше характеризовался как общий лексический фонд языков национальных народов бывшего СССР.

Под действием новой политико-экономической идеологии в таджикской и узбекской литературной речи проявились лексические новации – неологизмы, часть из которых вошла со своими новыми реалиями. Другая их часть заменила отдельные лексические единицы, которые использовались в языке издавна и приобрели собственно таджикское и узбекское «гражданства» в лексиках литературных языков.

Эти слова, о которых пойдёт речь ниже, являясь фактами литературной речи данного времени, функционировали в качестве лексических форм новых понятий новой обще-

ственной формации, а также оппозитивными заменителями тех слов, которые окончательно были усвоены членами общего коллектива, основным коммуникативным средством которого являлись таджикский и узбекский литературные языки того времени.

3. Парадигматика и синтагматика в лексике литературного языка

Явления парадигматики (парадигматические отношения) и синтагматики (синтагматические отношения) – два закономерных явления при определении системности языка и его уровней. Единицы всех уровней языка находятся между собой в отношении парадигматического и синтагматического характеров. Впервые понятие о парадигматике и синтагматике введено в науку Фердинандом де Соссюром.

Соотношением парадигматики и синтагматики определяется дихотомия языка и речи. Вначале парадигматика рассматривалась как явление языка, а синтагматика – явление речи. Однако позже стало очевидным, что и парадигматика, и синтагматика свойственны и языку, и его общей структуре. При парадигматических отношениях осуществляется номинативная, онтологическая функция языка, а при синтагматических – его коммуникативная функция. Это позволяет считать, что и синтагматика является явлением языка и его отдельно функционирующих самостоятельных уровней, начиная от фонетики, фонологии и до синтаксиса текста. Парадигматикой и синтагматикой определяется закономерная взаимосвязанность языка и речи, которая объясняется тем, что парадигматической возможностью языка обеспечивается синтагматическая потребность речи, реализуемая посредством определённых моделей, относящихся к системе языка.

Объектом данного исследования является образование и функционирование парадигматических рядов отдельных

функционально-семантических микросистем в лексиках таджикского и узбекского литературных языков конца XX – начала XXI веков. Поэтому мы остановимся на лексических данных, появившихся в изучаемом периоде, в результате чего образовались лексические варианты дублеты, члены которых являются функционально-семантическими эквивалентами по отношению друг к другу. Благодаря появлению новоявленного члена функционально-семантической парадигмы развиваются и лексический состав языка, и сам язык.

В недавнем прошлом в лексике таджикского и узбекского литературных языков функционировали парадигматические ряды следующих функционально-семантических микросистем: *письмо* тадж. *хат, рукъа, мактуб, нома* и узб. *хат, мактуб, китоб, битик*; в значении *самолёт* тадж. *худпар, тайёра, ҳавонаймо*; узб. *аэроплан, осмонпойиз, самолёт*; *университет* тадж. *дорулфунун, донишгоъ, университет*; узб. *университет, дорулфунун; студент//студентка* тадж. *донишъў*; узб. *толиб, талаба // толиба*. Функционально-семантические компоненты *китоб, хат, мактуб, самолёт, университет, студент//студентка* этих лексических парадигм, отвечая требованиям языковых норм того времени, употреблялись в языке, а их функционально-семантические эквиваленты – тадж. *ҳавонаймо//худпар, дорулфунун* и узб. *битик, аэроплан //осмонпойиз* не использованы и сохранились лишь в пассивном слое лексики как устаревшие слова. Это привело к прекращению в определённый период функционированию парадигматических рядов типа: тадж. *хат-нома, хат-мактуб, тайёра-самолёт, дорулфунун-университет, донишъў-студент*; узб. *самолёт-осмонпойиз, самолёт-тайёра, битик-хат, битик-мактуб, университет-дорилфунун*. Основной причиной для разрушения данных лексических парадигм являлось

прекращение употребления в речи одного из функционально-семантических парадигм (*аэроплан // осмонпойиз, битик, дорулфунун*). Отсюда следует вывод о том, что синтагматическое прекращение одного из функционально-семантических членов (компонентов) функционально-семантических микросистем (ФСМС) парадигмы является причиной для разрушения парадигматического ряда в словарном составе языка. На начальном этапе разрушения определённого парадигматического ряда наблюдается пассивное употребление одного из функционально-семантического членов (компонентов), окончательное прекращение которого завершается разрушением парадигматического ряда полностью. В свою очередь, необходимо отметить, что из-за коммуникативной необходимости члены функционально прекращённых парадигм могут начать активизироваться в речи. В качестве наглядного примера можно привести активизацию в речи каждого члена парадигмы типа *инсон-одам-башар* (человек, человечество).

Синтагматика является основным фактором функционирования речи, и в силу этого обстоятельства она служит основой коммуникативного акта. В речевой цепи единицы языка вступают во взаимоотношения с другими единицами одного и того же яруса, чем определяется своеобразная особенность синтагматики. В результате синтагматических употреблений могут появляться новые пары парадигматических рядов, которые носят характер явлений речи, а не языка. Многократное, регулярное функционирование определённой лексемы в речевой цепи приводит к тому, что она переходит из сферы речи в распоряжение языка и постепенно данная речевая единица приобретает характер языковой единицы. В конечном счёте всё это приводит к обогащению словарного состава за счёт других единиц лексического уровня.

В таджикской и узбекской речи изучаемого периода широко употреблялись новые лексемы типа тадж. *љумњур, номзад, вакил, кумита, рўзнома, донишгоњ, маљалла, шањрванд, толор, катора*; узб. *номзод, жумњурият, вилоят, ноњия, њудуд, музофот, тайёра, сўроѓа, манзил, мухтор, жамоа*. Результаты появления употребления этих слов заключались в образовании в рассматриваемых языках соответствующих парадигматических рядов лексического плана типа *номзод кандидат; уюшма союз; жумњурият республика; ноњия, туман район; њудуд, музофот, ўлка территория; тайёра, учкич самолёт; котиб секретарь; мухтор автономный; манзил, сўроѓа адрес; жамоа коллектив; љумњур республика; вилоят область; тайёра, худнар самолёт* и т.д.

Своеобразной является парадигма, в составе которой функционируют слова-лексемы *комитет кумита*. Члены данной парадигмы этимологически восходят к одному и тому же слову *комитет*. Слово *комитет* заимствовано обоими языками из русского языка в 20-е годы прошлого века. Это исконно латинское слово со значением «коллегияльный орган, руководящий какой-либо областью государственной или общественной деятельности» заимствовано русским языком из французского (174, 239). Лица таджикской национальности (и другие народы Центральной Азии) тогда затруднялись усвоить правильную произносительную форму *комитет*. Позже это слово было усвоено лицами и нерусской национальности в истинно фонетико-фонологической форме. Сейчас в узбекском языке форма *ќўмита* считается орфоэпической формой (назад к глубоко прошлому! – Р.Х.). Отсюда следует вывод, что члены парадигматического ряда *комитет* и *ќўмита* представляют два фонетических варианта одного и того же слова.

Следует подчеркнуть, что возникшие новые лексические единицы и их функционально-семантические отно-

шения с другими словами, которые функционировали в родном языке – объект самостоятельных исследований монографического плана, что является необходимым для научного осмысления развития лексики определённого периода языка. Уже сейчас имеются отдельные работы, в которых языковеды дали соответствующие оценки состоянию языка исследуемого ими периода. По данному вопросу мнения учёных-лингвистов неодинаковы, что приводит к некоторым разногласиям. Языковеды одной группы считают, что нет необходимости в применении и употреблении новых лексических единиц, которые пришли на смену другим, законно функционирующим в языке. А языковеды другой группы полагают, что употребление новых лексических единиц вместо других, которые освоились в языке – это требование времени, чем осуществляется и «национализация» языка, являющаяся положительным явлением в развитии языка.

Все мы являемся свидетелями того, что в изучаемом периоде новые, незнакомые лексические единицы широко употреблялись в массово-популярной печати – газетах, журналах разного характера. В языке печати появились такие слова, незнакомые даже для самих специалистов-филологов. Так, например, вместо лексемы *самолёт* предлагались и употреблялись лексические варианты типа тадж. *худпар, њавонаймо, тайёра*; узб. *учоқ, њавосузгич, осмонпойиз, тайёра*; вместо лексемы *радио* – тадж. *садо*; узб. *овознигор*. Подобного рода лингвистическое нововведения наблюдались в таджикском и почти во всех тюркских языках. В казахском языке вместо лексемы *телефон* предлагался вариант типа *симмен сөйласу*, вместо лексемы *рекомендация* – *камкор қағаз*. Общеизвестно и не вызывает сомнения, что синонимия в терминологической системе явление нежелательное, поэтому металингвистическая (терминологическая) система каждой науки должна

функционировать по возможности без синонимов, ибо синонимия усложняет теоретически правильное осмысление определённого понятия науки. Не является положительным факт употребления в терминологической системе даже полисемантических и омонимических единиц (223, 13).

В изучаемом периоде на страницах периодической печати (газетах, журналах) обеих республик нашли употребление такие слова, значения которых не всегда соответствовали сущности понятия, которое предполагалось авторами этих публикаций. Так, например, в функции лексем **дастур**, **дастурамал** возможны функционально-семантические нагрузки русских лексических единиц *правило, постановление, инструкция, руководство, указание, платформа, положение, норма, совет, установка, программа* и т.д. Кроме того, некоторые слова в обоих изучаемых языках пишутся, не соответствуя при этом правилам и принципам русской орфографии: **октябрь** // **ўктябрь** октябрь, **колхуз** // **колхўз** колхоз; **совхоз** // **совхўз** совхоз; **факулта** факультет; **конфронс** конференция, **Фаронса** Франция.

Слова в таких фонетико-графических формах широко употреблялись в таджикском и узбекском языках в 20-е годы прошлого века. Это - дух древней истории, результат деятельности отдельных представителей просветительского движения этих стран, пуристического настроения. Один из выдающихся учёных Абдурауф Фитрат в своей статье под названием «Тилимиз» (Наш язык), опубликованной на страницах газеты «Ишгирокиюн» (12 июля 1919 г.), пишет, что пора заменить термины русско-интернационального и арабско-персидского происхождения исконно тюркскими словами (124, 32). Поэтом Элбеком на страницах газеты «Туркистон» («168-198, 1923 г.) и журнала «Инкилоб» были опубликованы статьи, в которых он предлагал использование 550 новых терминов вместо русско-интернациональных и арабско-персидских терминов. Автор писал, что цель за-

ключается в том, чтобы заменить русско-интернациональные и арабско-персидские слова соответствующими лексическими вариантами исконно тюркского происхождения. Предлагаемые некоторые термины искусственно были образованы самим автором (3, 24). Поэтому некоторые искусственно созданные новые слова не могли освоиться носителями узбекского литературного языка и долго оставались чужими в речи того времени узбекского языка. Ср. отдельные примеры: вместо термина *водород* предлагались лексемы арабского происхождения *мувалидилмо*, *мувалидилъа-муза*, вместо термина *кислород* - *нямза*. Веяния такого пуристического характера наблюдались и в таджикском языкознании того времени.

Язык не любит искусственного подхода и насилия. Взаимоотношения и взаимосвязи всяческих явлений объективного мира передаются через предложения, в которых каждое полнозначное слово выражает отдельное явление и принимает участие в передаваемом предложением событии объективного мира. Зачастую случается, что слова в необычной форме в предложении не могут соответствовать определённой деноминации, которая должна была выражаться данными в предложении словами. Такая речевая ситуация возникает при употреблении неудачно использованных слов. Носитель языка не знает реальное значение данного слова. Поэтому слова такого типа не могут правильно функционировать при передаче мысли, они являются ущербными единицами при коммуникации. В.И.Абаев справедливо отмечает, что элементы языка отражают элементы объективной действительности, что мир языка есть не что иное, как своеобразная «переработка» в общественном сознании мира реальных. А поскольку язык живёт тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые при их прочтении мо-

гут многое рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит.

Способность языка сигнализировать о реалиях, фактах исторической действительности была известна ещё мыслителям древних времён (1, 6).

После Октябрьской революции лексика таджикского и узбекского литературных языков заметно изменилась. Она расширилась за счёт заимствованных слов из русского языка и других европейских языков через русский. В данном периоде в таджикской и узбекской литературной речи занимали заметное место многие термины различных наук. В конце XX – начале XXI веков большинство из них стали собственными для таджикского и узбекского языков, т.к. они полностью усвоились носителями данных языков. Их невозможно было заменить чужыми для языка и его носителей лексическими «вариантами», которые предложены отдельными лингвистами и журналистами. Эти новые лексические единицы были предложены под рубрикой «термины для размышления», «термины для обсуждения». Среди предложенных терминов встречаются такие варианты, усвоение которых приводит язык к лексическому обеднению. Сравните: в таджикском языке вместо слова *дежурный рӯзбон*; вместо слова *ватное одеяло љомахоб*; вместо слова *вахтёр дарбон* и т.д.; в узбекском языке вместо слова *поезд кезгич*; вместо слова *паровоз кездиргич*; вместо слова *радио саснигор* и т.д.

Развитие таджикского и узбекского литературных языков зависит от состояния определённых условий политической, экономической, социальной, культурной, научно-просветительской и духовной жизни общества, состоящего из носителей этих языков. Изменения в языке и речи, которые появились под влиянием многочисленных социально-политических преобразований в общественной жизни, нуждаются в серьёзном исследовании, чем точно опреде-

ляется положительное и отрицательное языковое состояние, имевшее место в жизни рассматриваемых языков изучаемого периода – конца XX и начала XXI веков.

РАЗДЕЛ I. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1.1. Социальная функция языка и объект речи

Язык – явление сугубо социальное. Язык социален хотя бы потому, что он создан обществом, обслуживает обще-

ство и обеспечивает существование самого общества. Без общества нет языка (171, 21).

Социальный характер языка определяется ещё тем, что язык связан с действительностью (31, 125). Характер социальности свойственен не только языку в целом; такой характер носят и почти все уровни языка, в том числе его лексика. Р.А.Будагов совершенно справедливо подчёркивает, что «Весь уровень развития лексики каждого конкретного языка социально обусловлен. Если рассматривать литературный язык, то степень разграничения значений между синонимами, тонкие лексические оттенки между словами разных стилистических «пластов», возможность выразить новые понятия с помощью новых слов ..., ограниченность во взаимодействии между терминами и «житейскими» словами, как и многие другие, демонстрируют уровень развития данного языка – уровень, который сам по себе оказывается социально детерминированными». Р.А.Будагов стремится доказать, что вся природа языка социально детерминирована и что внешние и внутренние факторы тесно между собой взаимодействуют (31, 134).

Лексика является наиболее чувствительной к происходящему области языка, т.к. в ней отражаются все изменения, происходящие в обществе. Лексика языка отражает массу явлений, предметов, а также их признаков, которые на протяжении многих тысячелетий не подвергаются сколько-нибудь существенным изменениям. При развитии и совершенствовании лексики языка важную роль играет его носитель - человек, который создаёт не только слова, но и различные способы связи между словами, определённые средства этой связи.

Важная роль человека при развитии и усовершенствовании языка определяется ещё тем, что любое новшество в языке, в его фонетическом строе, морфологической и синтаксической структуре создаётся отдельными индивидами.

Общество только в дальнейшем распространяет и делает вновь созданное общим достоянием всего народа. Поэтому вполне справедливо мнение, что язык не может возникнуть, функционировать и развиваться вне общества. Он – продукт общества.

Социальный характер языка в целом и его уровней частично относится к философским проблемам языкознания. Круг вопросов, связанных с разработкой философских основ языкознания, весьма широк, и сама область исследования еще не может считаться в достаточной степени ясно определённой (146, 4). К числу философских проблем языкознания следует отнести исследование проявлений законов в развитии языка как объективного явления и познавательной деятельности человеческого мышления, которая направлена на него.

Функционирование языка характеризуется и регулярными изменениями, чем определяется жизнь языка. Д.Н.Ушаков отмечает, что жизнь языка состоит в изменении его фактов. Любые изменения в фактах языка возникают в индивидуальном языке (т.е. в речи – Р.Х.) отдельных лиц, а затем или исчезают, или захватывают всё большие круги говорящих (187, 123).

Язык в целом служит главным средством взаимодействия людей в их повседневной производственной деятельности. При помощи языка они согласовывают свои действия. Общеизвестно, что посредством языка осуществляется обогащение коллективного опыта за счёт опыта отдельных членов общества. Язык служит важнейшим средством распространения и хранения коллективного и личного опыта, знаний. В процессе функционирования языка центральное и наиболее важное положение занимают слова, совокупность которых составляют лексику языка.

Все эти факторы способствуют определению специального характера языка и его лексики.

Все общественные явления характеризуются наличием в них методологических задач. Методологической задачей языка считается то, что язык является одним из факторов формирования у людей материалистических мировоззрений, на основе принципа материализации распространять единое понимание важности диалектической взаимосвязи языка и мышления (51, 89).

Язык – готовая продукция и в таком виде он служит основным средством коммуникации для всех членов того или иного языкового общества. Поэтому язык является социально-психологическим явлением, особенность которого заключается в том, что он рассматривается в первую очередь как застывшая система, взятая в абстракции от реальной речевой деятельности. Язык является и системой психофизиологических навыков в голове каждого отдельного индивида (28, 206). В социолингвистике существует мнение, что язык – это идеальная лингвистическая форма, тяготеющая над всеми индивидами данной социальной группы и реализующаяся у каждого из этих индивидов в виде пассивных «отпечатков» – таких же индивидуальных систем речевых навыков. Всё сказанное свидетельствует о том, что язык и психика людей неразрывно связаны, что является причиной для закономерной взаимосвязи двух наук – языкознания и психологии.

Между психологией и языкознанием образовалось своего рода историческое размежевание предмета исследования: психология изучает процессы говорения, речи и лишь настолько занимается языком, поскольку его онтология как-то проявляется в этих процессах; лингвистика изучает язык как систему, либо трактуя её в материальном аспекте, либо в идеальном, но, не интересуясь реализацией этой системы (159, 36).

Отсюда можно сделать вывод, что между языком и речью имеются существенные различия.

Язык – важнейшее средство человеческого общения, является достоянием коллектива, и предмет истории. Язык объединяет в среде данного времени всё разнообразие говоров и диалектов, разнообразие классов, сословной и профессиональной речи, разновидности устной и письменной формы речи.

Речь осуществляется посредством элементов языка в речевом акте. Речевой акт – это индивидуальное и каждый раз новое употребление языка как средство общения различных индивидов. Речевой акт как процесс изучается физиологами, физиками-акустиками, психологами, а также языковедами.

Определение характера речи труднее определения характера языка, так как речь является, прежде всего, не языком, а отдельным речевым актом. Речь бывает разной: речь ребёнка, речь школьника, речь молодёжи, речь женщин, речь мужчин, речь учёного, речь пастуха, речь инженера и т.п., но речь, какая бы не была, она неотделима от языка. В каждой форме речи функционирует определённая часть языка, свойственная для данной формы речи. Отличие языка от речи определяется ещё тем, что язык это лишь определённая, правда, важнейшая часть языковой деятельности. Язык – это система знаков, где единственно существенным является соединение смысла и акустического образа (71, 49).

Между языком и речью различие наблюдается в их основных функциях. Еще в конце 60-х годов А.А.Леонтьев старается различить функции языка и функции речи. Согласно его мнению функцией языка является использование во всех случаях, а функцией речи – лишь в некоторых особых случаях (103, 100).

Индивид ежедневно, ежечасно обращается к языку, используя его. При обращении индивида к языку осуществляется его цель, которая заключается в том, что он при помощи языка и его определённых элементов понимает мир, в свою очередь, он при помощи языка обращается к другому индивиду, который является представителем другого языкового общества (7, 26). С развитием общества развивается мировоззрение индивидов, живущих в данном обществе. Процесс развития индивида определённого общества осуществляется через язык, через его функционирование. Изменения любого характера в языке влияют и на состояние науки о языке, в котором центральную и важную нишу занимает лексикология - одна из основных и маргинальных отраслей языкознания. Если выразить это словами В.И.Абаева, «Лексика – это зеркало мышления народа и его образа жизни» (1, 48). Таким образом, любые изменения в языке осуществляется через его словарный состав.

1.2. Изменения в литературной речи и отдельных словах

Объектом лексикологии как одного из основных разделов языкознания является изучение словарного состава языка. Центральной и основной единицей этого раздела науки о языке является слово.

По многим вопросам лексикологии большое количество составляют исследовательские работы, в которых рассматривались историко-этимологические, функционально-стилистические, функционально-семантические и другие

особенности лексических единиц разных периодов, включая современный период.

Объектом лексикологии является, в основном, словарный состав языка. Основной единицей лексикологии является слово. Однако в отдельных работах объект лексикологии смешивается с морфологией и семасиологией, что позволяет считать, что лексикология - область науки, которая находится на грани двух других разделов науки о языке – морфологии и семантики (17, 4). На самом деле, объектом изучения лексикологии являются лишь лексические полнозначные слова, которые обладают одновременно двумя функциями языка – сигнификативной, интегрирующей понятия, и номинативной, дифференцирующей названия классов предметов, т.е. слова, которые самостоятельно выделяют объекты, обозначения вещей, явлений, свойств, процессов и т.д., и тем самым обладают лексическим значением (228, 8).

Действительно, основной и центральной единицей языка считается слово, которое является обозначением какой-либо конкретной реалии.

В научных трудах по лексикологии словарные единицы рассматриваются на основе четырёх аспектов: 1) фонологический аспект, 2) морфологический аспект, 3) лексический (словарный) аспект, 4) семантический аспект. При изучении слова в словарном, лексическом аспекте должны учитываться две его семантико-функциональные особенности: 1) особенности слова, в котором учитывается его сигнификативное значение; 2) особенности слова, в котором учитывается его номинативная (денотативная) функция.

Следует подчеркнуть, что лексикология в науке о языке функционирует во взаимосвязи со всеми другими его ярусами, чем и определяется её гомогенный характер по отношению к гетерогенной системе языка в целом.

При изучении появившихся новых слов в языке надо

основываться на ведущих методологических принципах исследования фактических материалов языка. Именно ими мы и руководствуемся, исследуя новые лексические единицы в таджикском и узбекском литературных языках конца XX - начала XXI веков. Такое же состояние наблюдается и в других языках народов Центральной Азии, где наряду с узбекским, киргизским, казахским и туркменским языками функционирует и таджикский, который по генетическим и типологическим особенностям отличается от всех тюркских языков данного региона. Основными особенностями вышеуказанных языков является то, что в них имеются всяческие противоречия, препятствующие правильному функционированию отдельных лексических единиц, которые имели статус употребления в качестве единиц, отвечающих принципам лексической нормы изучаемого периода языков.

При появлении новых лексических единиц в таджикском и узбекском языках изучаемого периода возникла такая языковая ситуация, что одна и та же заимствованная (или вновь созданная) лексема на разных территориях употреблялась по-разному, в результате чего возникли некоторые неудобные коммуникативно-прагматические трудности. Главной причиной для изменений, происходящих в основном словарном фонде таджикского и узбекского языков изучаемого периода, является то, что между вновь образованными независимыми республиками Центральной Азии и государствами других регионов установились политико-экономические, культурно-просветительные, духовно-идеологические взаимосвязи и взаимоотношения нового характера. Среди языков народов Центральной Азии таджикский язык занимает особое место. Он отличается от других языков региона наиболее древней историей, генетическим происхождением, хорошо развитой системой грамматики, а также отношением его к другим морфологи-

ческим строям. На фоне социальных условий появились новые контакты между таджикским и узбекским, узбекским и киргизским, казахским и узбекским, узбекским и туркменским языками.

Следует учитывать факт, что при развитии и усовершенствовании литературной речи изучаемого времени в качестве основного фактора важную роль играет полная (всесторонняя) демократизация. Полная демократизация как коммуникативная независимость, как свобода слова распространяется через массовые мероприятия разного характера, через печать. Речевые изменения, которые наблюдались в течение 7-8 лет, проявились во всех ярусах изучаемых литературных языков, особенно, в лексикологии и семасиологии.

Все социально-политические, экономические и другие изменения, происходящие в обществе, в первую очередь, отражаются в языке данного общества. Поэтому социальные изменения рассматриваемого периода отражались в жизни общества через его язык, который является одним из важнейших атрибутов общества. Наличие языка – одно из необходимых условий существования и развития общества в любую историческую эпоху. Язык служит главным средством взаимообщения людей в их повседневной производственной деятельности. При помощи языка они согласовывают свои действия. Хорошо известно, что посредством языка осуществляется обогащение личного опыта за счёт опыта всего коллектива и, наоборот, обогащение коллективного опыта происходит за счёт опыта отдельных членов общества. Язык служит важнейшим средством распространения и хранения коллективного и личного опыта, знаний. Всё вышесказанное полностью касается таджикского и узбекского языков того времени, который является объектом настоящего исследования.

Язык – это такой инструмент общества, которому безразлично, какой политический строй господствует в обще-

стве, под какой идеологией дышит общество. Ведь, основная функция языка – осуществлять взаимоотношения людей (96, 28). В своём функционировании язык всегда согласовывается с принципами идеологии того времени, к которому сам относится. Взаимовлияние языка и идеологии между собой является своеобразным историко-социологическим процессом. Под влиянием идеологии в языке появляются новые термины и выражения, посредством которых передается дух времени, в котором господствует та или иная идеология. Идеологией управляется и языковая политика, что зависит от характера государственного строя. Г.Джураев пишет, что языковая политика во все различных аспектах проявляется в зависимости от государственного строя (65, 26)

С другой стороны, на основе определённых законов развития языка через эти новые языковые выражения, которые функционируют под давлением идеологии того времени, общество воспитывается, где важную роль играют социальные институты, занимающиеся распространением программных принципов данной идеологии (19, 67).

Язык является орудием, посредством которого отражается объективный мир. При отражении объективного мира языку сопутствует мышление. Однако язык не отражает объективный мир фотографически. В языке ничего готового нет, как это имеется в фотографическом аппарате. Готовые выражения в языке образуются в определённых формах. В.И.Абаев справедливо подчёркивает, что язык – это переработанная в мышлении общества истина (1, 64). Переработанные и сформированные в мышлении единицы осуществляются в языке через определённые слова, которые вначале функционируют в речи. Их переход в распоряжение языка происходит постепенно, поэтапно. А.А.Потебня пишет, что основной функцией слова является название, номинация, которая осуществляется в комму-

никативном процессе, в речи (151, 15). Следует отметить, что в коммуникативном процессе, который осуществляется посредством слов и их взаимоотношений между собой, не всегда передаётся истинная (настоящая) детонация, которая является логической основой значения слов. Это объясняется тем, что одно и то же явление объективного мира не всегда представляется однозначно носителями языка. Языком выбирается только одно из этих представлений одного и того же явления бытия (170, 11). Языком сохраняется та функция, которая является основным средством отражения духа политико-экономической, социально-культурной жизни общества определённой эпохи.

Причины речевых изменений, свойственных для изучаемого нами периода, характеризуются двумя факторами влияния на язык: 1) фактор объективного влияния (на язык); 2) фактор субъективного влияния (на язык) (19, 78).

Как известно, факторы объективного и субъективного характеров на язык являются философскими понятиями. Великий Кант отмечал, что объект – это вещь, субъект – внешне противопоставленный на данную вещь предмет. Гегель полагал, что между объектами и субъектами функционирует диалектическая взаимосвязь, наблюдается закономерный переход друг от друга. По схеме Ю.Д.Дешериева взаимоотношение (взаимовлияние) субъекта и объекта представляется в следующем: «субъект» - «деятельность» - «объект» (58, 27). Если отнестись к фактам таджикского и узбекского языков по принципу данной схемы, получается, что фактором объективного влияния является заимствование таджикским и узбекским языками новых лексических единиц из других языков, где важную роль играет интеллигенция этих республик. Появились новые парадигматические ряды дублетного, синонимического, вариантного, антонимического характеров, в которых в качестве компонентов парадигм функционировали лекси-

ческие единицы инородного характера. Это вновь образованные парадигматические ряды способствуют развитию и обогащению таджикского и узбекского языков и их словарного состава, что является объектом серьёзных исследований.

Тематические планы этих парадигматических лексических рядов являются весьма разнообразными. Так, например, парадигматические ряды типа: тадж.: *Маълиси Олі, Маълиси миллі, Маълиси намояндагон, Маркази ʔамъияти тољикони Русия, Маркази ʔамъияти тољикон; ʔуќуќбунёд, соњибистиќлол, соњибихтиёр, дунявї; узб. Олий Маљлис, Миллий Маљлис, Намояндалар Маљлиси; Ўзбек жамияти маркази, Ўзбек маданияти маркази, Тољикистон ўзбек жамияти маркази; дунёвий, мустаќил* и др. входят в лексико-тематическую группу слов, относящихся к социально-политическим и государственно-административным сферам, а также делопроизводству.

Наряду с вышеуказанной лексико-тематической группой образовалась и другая, которая охватывает слова сферы экономики и бизнеса. К ней относятся парадигматические лексические ряды типа тадж.: *ʔамъияти аксионерї, ʔамъияти сањомї, иширати сањомї; асьори миллі, асьори хориљї, асьори дохилї; бонки миллі, бонки хориљї, бонки дохилї; маркази тильоратї, муносибати тильоратї, толори тильоратї; узб.: эркин савдо, очик савдо, очик улгуржи савдо, очик биржа савдоси; савдо уйи, Тољик-Рус савдо уйи, ўзбек пули, банк, тиљорат банки, Миллий банк, жамѓарма банк* и др. *

Фактор субъективного влияния на таджикский язык изучаемого периода в основном зависит от интеллектуальной деятельности общества. При необходимости обращения к языку для выражения своих мыслей люди выбирают

* Примеры приведены из материалов средств массовой информации Таджикистана и Узбекистана.

соответствующие части материалов языка, чем определяется фактор субъективного влияния на язык. Под влиянием субъективного фактора развивается функциональная сфера строения языка, расширяется словарный состав языков за счёт появления новых слов и выражений.

Осуществление фактора субъективного влияния выражается в следующем: 1) восстановление отдельных лексических единиц и выражений, которые находились в пассивном слое лексики как устаревшие языковые элементы; 2) приобретение новых значений отдельных лексических единиц и выражений пассивного слоя словарного состава; 3) национализация отдельных заимствованных из других языков лексических средств, калькирование заимствованных инородных понятий; 4) привлечение некоторых диалектизмов и единиц разговорной речи к общеупотребительному слою лексики литературного языка; 5) использование различных способов словопроизводства (словообразования).

Наблюдаются следующие тематические группы, состоящих из вновь восстановленных устаревших слов в лексике таджикского и узбекского языков - архаизмов и историзмов, которые относятся к первой группе фактора субъективного влияния:

а) лексические единицы, выражающие политико-социальные понятия определённой эпохи: тадж. *мафкура* идея; *вазир* министр; узб. *фирқа*, *ъизб* партия; *тўра*, *расмиятчи* бюрократ; б) лексические единицы в области науки и знания: тадж. *рўъшиносӣ* психология; *нуълумишносӣ* астрономия; узб. *фалакиёт*, *нужумишунослик* астрономия; *кимё* химия и т.д.

Своё функционирование в новом значении начали отдельные лексические единицы пассивного слоя словарного состава, возвратившиеся с периферии языка, например, *вакил*, *намойнда* в значении *депутат*. Активизировался процесс употребления и других архаических слов, которые

приобрели новое значение. Так, например, *солик* (оно употреблялось до Октябрьской революции в узбекском языке в значении определённого размера налога, который должны были платить бедные дехкане) в словосочетаниях *ер њаќи солиѓи*// *ер солиѓи налог на землю*; *сув њаќи солиѓи, сув солиѓи налог на воду*) употребляется в значении *патент*, значения слов *солик* и *патент* имеют общую архисему – *оплата*. Это значение в таджикском языке передаётся словом *андоз*.

К подобным словам относятся и лексемы *манзил* (раньше обозначавшее *местность* вообще) в значениях *адрес, кладбище макон, манзил; усто* (раньше употреблялось только в значении *плотник-строитель*) в расширенном значении *мастер устои газ мастер по газу; устои пахта мастер хлопководства; фасл* (раньше употреблялась в значениях *время года*) - в значении слова *квартал, глава произведения*.

Подобная ситуация наблюдается и с другими словами: слово *дафтар тетрадь* стало употребляться в значении *канцелярия*; *худпар самолетающий//самолёт; хотира воспоминание//память; дафтарчаи хотирави памятная книжка*. Слово *ситора* раньше использовалось для выражения понятия *звезда*, в настоящее время оно выступает в роли компонента идиоматического выражения типа *ситораи миллат // ситораи санъат знаменитость// популярная личность* в какой-либо сфере, т.е. уже получает метафорическое значение.

Вернувшиеся с периферии языка архаизмы и заимствования из других языков, а также калькированные выражения выделены в три группы: 1) лексические единицы, относящиеся к политико-социальной сфере: тадж. *вохӯрии сарони давлат, мулоќоти сарони давлат встреча глав государств; 400 рӯзи ободони 400 дней благоустройства*; узб. *комендантлик соати комендантский час; эрталабки мажлис*

утреннее сообщение; *шанба наири* // *якшанба наири* специальные издания, специальные страницы газет и т.д.; 2) лексические единицы, относящиеся к здравоохранению: тадж. *зукоми мурѓ* птичий грипп; *тиб* медицина; узб. *соѓликни саќлаш бўѓинлари* отделение в системе здравоохранения; *тез ёрдам машинаси* скорая помощь; 3) лексические единицы, относящиеся к производству: тадж. *коркарди маъсулоти саноатї* производство промышленной продукции; *лямѓияти сањомї* акционерное общество; *ширинињои Шарќ* Восточные сладости; узб. *озик-овќат ишлаб чиќариш хусусий корохонаси* частное предприятие по производству товаров пищевой промышленности; *кўчма кўрилиш сайёњ корхонаси* передвижное строительное предприятие; *кўрилиш корхонаси* строительное предприятие.

Следует отметить, что приведённые примеры являются калькированием названий соответствующих понятий, которые заимствованы из русского языка. Некоторые из них в литературной речи изучаемых языков употреблены в значениях широкого плана, примером которому является появление в таджикском языке - *њафтаи маданияти Тољикистон дар Русия* неделя культуры Таджикистана в России; *90 рўзи ободонї* 90 дней благоустройства; *100 рўзи ободонї* 100 дней благоустройства и т.д., а в узбекском языке выражений типа *информатсион билдириш* информационное сообщение и *эрталабки мажлис* утреннее сообщение и др.

1.3. Особенности влияния социальных факторов

Характер литературной таджикской и узбекской речи свидетельствует, что влияние социальных факторов наиболее заметно в функционировании отдельных языковых выражений в изучаемом периоде. Особенности влияния социальных факторов на язык определяются посредством определённых категорий, к которым относятся при-

рода, стиль, время и следствие. О характере социальных факторов профессор Н.А.Баскаков пишет, что под социальными факторами обычно подразумевается комплекс общественных, исторических, экономических, культурных, идеологических и других экстралингвистических условий и предпосылок внутривидового и функционального развития языка (11, 118). Все эти факторы по-разному воздействуют на язык, на его отдельные уровни и обладают различными количественными и качественными параметрами в соответствии с социальной природой самих факторов и спецификой языковых уровней, на которые эти факторы оказывают влияние.

Таким образом, особенностями социальных факторов на язык являются:

- 1) влияние социальных факторов стихийного и сознательного воздействия на язык;
- 2) влияние субстратных и суперстратных социальных факторов;
- 3) влияние социальных факторов, характеризующихся определённой средой и вне определённой среды;
- 4) влияние диахронных и синхронных социальных факторов;
- 5) влияние негативных и позитивных социальных факторов (11, 110).

В свою очередь, следует отметить, что внутри каждой разновидности влияний социальных факторов обнаруживаются соответствующие подгруппы, которые отличаются друг от друга некоторыми функциональными признаками – особенностями. Однако они объединены в состав одной более крупной группы, которая обеспечивает системность языковых явлений того или иного характера.

В языковом состоянии изучаемого периода влияние социальных факторов стихийного и сознательного воздействия проявляется в основном при употреблении диалек-

тизмов, устаревших слов различного характера, слов, у которых происходило сужение значений. Перечисленные типы слов конца XX - начала XXI веков начали своё функционирование в литературной речи в качестве новых лексем и выражений в аспекте нового периода состояния таджикского и узбекского языков. В таджикской и узбекской литературной речи чаще встречалось употребление устаревших лексем типа тадж. *раис, сардор* в значении *руководитель организации*; лексема *чинта* в значении *билет*; лексема *қозӣ* в значении *глава мусульман*; узб. *патта* в значении *билет*; *тўра* в значении *бюрократ*; *халифа* в значении *руководитель*; *њоким* в значении *руководитель района, области* или *города*.

В рассматриваемом периоде таджикский и узбекский языки приобрели статус государственных языков, что является практически осуществлением непосредственного влияния социального фактора на язык. Для контроля за полной реализацией законов о государственном языке в обеих республиках образованы и функционируют специальные комитеты. Помимо пропаганды национальных языков в качестве государственного проводится ряд конкретных мероприятий для более действенного их функционирования во всех сферах общественно-социальной жизни Таджикистана и Узбекистана.

Характер влияния социальных факторов, характеризующийся определённой средой и вне среды, объясняется тем, что основная часть носителей таджикского языка живёт в Республике Таджикистан, а узбекского – в Республике Узбекистан. Государственные языки народов Центральной Азии: киргизский, казахский, каракалпакский и туркменский раньше считались просто национальными языками нерусских народов бывшего Советского Союза.

Отдельные изменения в литературной речи наблюдались и в языках других тюркских народов. Так, например,

в узбекском языке вместо слова *революция* стали употребляться слова *инкилоб, ўзгариш, тўнтариш*; в туркменской литературной речи – *ынкылап, өзгериш*; в киргизском – *ынкылап, өзгериш*; в казахском – *ынкылап, өзгериш*. Вместо слова *самолёт* в узбекском языке употреблены слова *тайёра, учоқ*; в тюркском *учак*.

Язык является явлением, который регулярно, беспрерывно развивается, изменяется. И.И.Ревзиным отмечаются некоторые функции языка, каждая из которых неразрывно и органически связана с общественной жизнью его носителей. Эти функции языка характеризуются посредством определённых его особенностей:

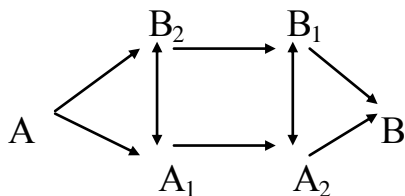
- 1) универсальность (универсальная функция) языка: язык однозначно служит во всех сферах общественной жизни его носителей;
- 2) функция неопредельности: языком могут осваиваться всякие новые элементы;
- 3) наличие в языке перлативной функции: в нём новое содержание может выражаться старой формой;
- 4) наличие характера изменяемости: язык изменяется постоянно;
- 5) наличие характера неизменяемости: язык является неизменяемым средством в отношении его носителей; язык сохраняется веками в качестве средства общения определённой национальности (158, 56).

Все эти функциональные особенности, особенно вторая (функция неопредельности) и третья (функция перцептивности или перлативности) особенности языка, вполне характерны для состояния таджикского и узбекского языка конца XX и начала XXI веков. Из-за неподчинения литературной норме и несоблюдения её в лексике таджикского и узбекского литературных языков изучаемого периода появились многочисленные лексические единицы и выражения, большинство из них не отвечает коммуникативным

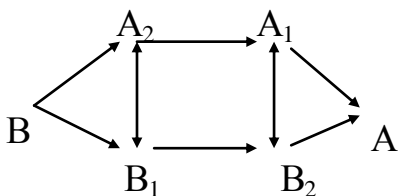
потребностям вообще. Они являются ущербными речевыми единицами.

Перлативная особенность (функция) таджикского и узбекского языков характеризуется тем, что слова типа тадж. *кумита*, *љумњур*, *чароѓ*; узб. *жумњурият*, *тайёра*, и т.д. активно употреблялись до первой половины прошлого века. С 20-30-х годов прошлого века в лексике этих языков произошли заметные изменения, в результате чего ограничилось употребление лексем арабского и персидского происхождения. Вместо лексем, перечисленных выше, начали употребляться лексемы *комитет кумита*, *республика љумњур*, *география љуѓрофия*, *свет чароѓ* и т.д. в тадж. яз.; *республика жумњурият*, *самолёт тайёра*, *география жуѓрофия*, *математика алжабр*, *геометрия њандаса* в узб.яз. под общим названием «советско-интернациональные слова». В конце XX и начале XXI века в таджикском и узбекском литературных языках под влиянием появившихся пуристических течений вновь вошли в употребление слова *кумита*, *љумњур*, *љуѓрофия*, *чароѓ*; соответственно *жумњурият*, *тайёра*, *жуѓрофия*, *алжабр*, *њандаса*. Все эти процессы, связанные с заменой общеупотребительных и понятных для всех носителей лексем старыми словами, характеризуются перлативной функцией таджикского и узбекского языков. Те изменения, которые происходили в конце XX начале XXI веков в таджикском языке, можно передать в следующих схемах:

Сх.№ 1

Сх.№ 2

Обозначения: А - лексема собственно таджикского или узбекского языка;

$A_{1,2}$ – процесс становления пассивности лексемы (1–схема);

$A_{2,1}$ – процесс активизации лексемы (2–схема);

В – заимствованная лексема; $B_{2,1}$ - процесс активизации заимствованных лексем (1–схема); $B_{1,2}$ – процесс становления пассивности заимствованных лексем (2–схема).

В 1-ой схеме изображён процесс активизации заимствованных слов, в результате чего прекращается употребление их лексических эквивалентов, которые были усвоены языком и его носителями.

Во 2-ой схеме представлен процесс обратного характера, где активизация свойственна лексическим единицам, которые употреблялись и закреплялись языком определённого периода.

Следует отметить, что одновременное употребление в языке различных вариантов, дублетов - явление нежелательное, поскольку в этом случае затрудняется коммуникативный процесс. Значение многих «новых» слов является не всегда понятным для носителей языка, поэтому они и считаются ущербными лексическими единицами. Надо учесть тот факт, что оппозитивные члены определённой лексической парадигмы должны обозначать соответствующие им понятия, денотативные основы которых однозначно представляются к каждому члену языкового коллектива. В таджикском литературном языке исследуемого периода стали употребляться слова типа *нафтавор* в значении *еженедельник*; *фаслнома*, *моънома* журнал. Подобное явление наблюдается и в узбекском языке: *нафталик* // *нафтанома* еженедельник; *ойнома* газета или журнал, которые издаются раз в месяц.

По поводу наличия синонимии в терминологической системе языка В.П.Даниленко пишет, что «В общелитературном языке синонимы понимаются как равнозначные, но совпадающие по значению или имеющие сходное, близкое значение слова ... В терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют разные его свойства... Синонимия особенно характерна для начальных этапов формирования терминологических систем, когда ещё не произошёл естественный (и искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие варианты» (57, 73).

1.4. Макросоциальные и микросоциальные факторы

При политических, экономических, культурно-бытовых и т.п. изменениях обнаруживаются изменения и в литературной таджикской и узбекской речи, которые происходят под влиянием двух факторов: 1) макросоциальные факторы; 2) микросоциальные факторы.

Как известно, между этими двумя социальными факторами существуют определённые языковые взаимосвязи. Наблюдается процесс, согласно которому обнаруживается переход от одного состояния к другому, что характеризуется закономерным явлением, определяющим онтологическую особенность языка. Онтологическая закономерность языка зависит от степени развития и усовершенствования общественной жизни носителей языка (58, 162).

К макросоциальным факторам относятся следующие события:

1. Присоединение Средней Азии к России.
2. Октябрьская революция.
3. Великая Отечественная Война.
4. Распад бывшего СССР.

5. Приобретение независимости национальными республиками бывшего Советского Союза.

Необходимо учесть то обстоятельство, что каждый из перечисленных макросоциальных факторов, в свою очередь, содержится из соответствующих внутренних микро-социальных факторов. Поэтому выше речь шла о том, что между макросоциальными и микро-социальными факторами отсутствуют границы, напоминающие Китайскую стену. Каждое историческое событие является своеобразным переломным моментом в общественной жизни народа. Крупное событие расширяется за счёт наличия внутри его мелких событий, чем и определяется осуществление и развитие значительных исторических событий. Например, микро-социальными факторами являются разные небольшие события, на основе которых произошла Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. Каждая противоположность, которая возникает между мелкими событиями, является основой и причиной возникновения крупных исторических событий.

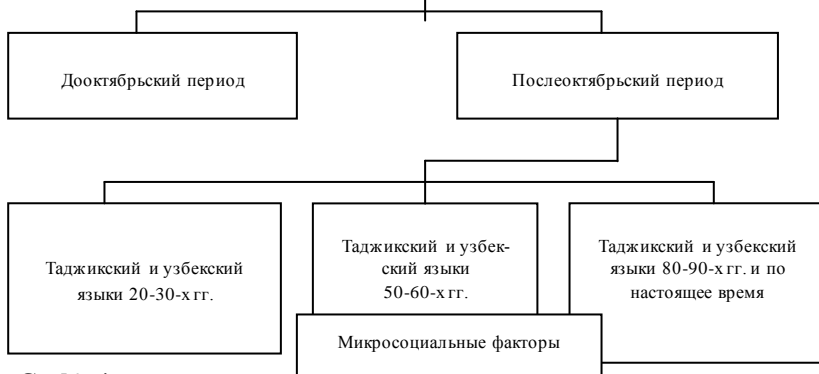
К микро-социальным факторам относятся: общественно-политические; социально-экономические; научно-технические и творческие; научно-педагогические; культурно-просветительские и искусство; печать и средства массовой информации; братство и содружество; военно-оборонительные; традиционно-исторические; духовно-идеологические; а также быт и бытовое обслуживание.

Ниже на примерах Таджикистана и Узбекистана наглядно представлена каждая разновидность макро-и микро-социальных факторах в отдельности.

Сх. №3

Исторические этапы развития таджикского и узбекского литературных языков

Сх. № 4

1.4.1. Основные факторы изменения в литературной речи

Состояние и развитие языка, как говорилось выше, прежде всего, зависит от социально-экономического, культурного, духовно-идеологического состояния общества. Состояние таджикского и узбекского литературных языков конца XX века тесно взаимосвязано с политической, экономической культурной, духовно-просветительской обстановкой республик того периода.

До середины 80-х годов гегемонную позицию среди национальных языков занимал русский язык (140, 76). Развитие таджикского и узбекского литературных языков того времени осуществлялось на основе двух факторов развития: 1) внутренние факторы; 2) внешние факторы. Второй фактор развития таджикского и узбекского литературных языков характеризуется влиянием русского и других европейских языков (через русский язык) на состояние и функционирование таджикского и узбекского литературных языков, в которых в широком употреблении находились заимствования из русского и других языков.

Внутренним фактором развития таджикского и узбекского литературных языков того времени является то, что плодотворно исследовались местные диалекты и говоры этих языков, в результате чего активизировалось проникновение отдельных соответствующих диалектизмов в лексику литературного таджикского и узбекского языков.

Русский язык играл гегемонную роль во всех республиках Центральной Азии, в которых обучение в высших и среднеспециальных учебных заведениях велось на этом языке. Лишь в вузах со специальностями по педагогике, методике преподавания родного языка языком обучения были национальные языки.

На начальных курсах вузов и среднеспециальных учеб-

ных заведениях общеобразовательные и общественные предметы проводились на русском языке. Одним из вступительных экзаменов абитуриентов в вузах и среднеспециальных учебных заведениях являлся предмет русского языка. В учебных заведениях и общеобразовательных школах русский язык считался одним из основных учебных предметов. Общее количество часов по русскому языку в средней школе составляло 240 ч.

События, произошедшие в Советском Союзе в середине 80-х годов, вызвали к жизни новые социальные понятия типа «перестройка», «самоуправление», «ускорение», «самообеспечение» и т.д., под влиянием которых национальные языки народов Центральной Азии стали по-настоящему самостоятельными. В 1989 г. таджикский и узбекский языки законодательно были объявлены государственными языками. Так, например, в 22-й статье Закона о государственном языке Таджикистана было записано, что в среднеспециальных и высших учебных заведениях подготовка кадров обеспечивается посредством республиканского государственного языка. Подобный характер носит содержание 14-статьи Закона о статусе государственного языка в Республике Узбекистан.

Для полного осуществления функционирования государственного языка в общественной жизни, прежде всего, необходимо учесть два важных фактора:

во-первых, издание специальных программ, учебников и учебных пособий, конечной целью которых должна явиться подготовка высококвалифицированных лингвистов и научно-педагогических кадров;

во-вторых, серьёзное изучение научно-технических терминов данного периода языка, денотативная основа которых является новой для общественной жизни; пересмотр и упорядочение функционирования отдельных терминов, которые использовались в языке до нынешнего времени.

При принятии новых, пересмотре и упорядочении старых терминов следует учесть литературные нормы языка. В противном случае в языке возникнет анархизм, в результате чего может осложниться взаимопонимание в коммуникативном процессе носителей языка.

Одним из важнейших социальных факторов для изменения литературной речи является приобретение независимости республиками Таджикистан и Узбекистан, в результате чего в этих двух государствах были приняты Конституции: Республики Таджикистан 6 ноября 1994 г. и Республики Узбекистан 8 декабря 1992 г. Кардинально изменилась система обучения в высших учебных заведениях.

Любые изменения, которые происходят в политической, экономической, культурной, духовно-просветительской и идеологической сферах общественной жизни, отражаются и в литературной речи. Изменения в литературной речи появились на основе принципов национализации всех богатств, которые были характерными для носителей определённого языка. Другой целью функционирования новых изменений в литературной речи является увековечивание богатств народа в общественно-политической, экономической, культурной, духовно-просветительской и идеологической сферах общественной его жизни.

Одной из основных целей изменений в литературной речи является «национализация» литературного языка и литературной речи, что осуществляется через устранение заимствованных из других языков лексических единиц, заменой их своими эквивалентами, которые функционировали в языке раньше, а по отношению к современному состоянию они носили характер архаичности. Некоторые другие лексические единицы были вновь созданы специалистами-языковедами.

Изменения в литературной речи подобного характера наблюдалась в лексике языков почти всех народов бывше-

го СССР, в том числе, языков народов Центральной Азии и тюркских народов других стран мира. Так, например, изменения такого характера встречаются в турецкой литературной речи благодаря употреблению таких лексических единиц типа *гумрукхона* (*gömrükhanası*) *таможня*; *деврим* (*devrim*), *инкилоб* (*inqilob*) *революция*; *учак* (*uçak*) *самолёт*; *трен* (*tren*) вместо *поезд*; *жумһурбашикани* (*cumhurbaşkanı*) вместо *президент*; *башикент* (*başkent*) вместо *столица*; *бошкан* (*başkan*) вместо *руководитель*; *манькама* (*mahkama*) вместо *суд*; *һакам* (*hakem*) вместо *судья*; *кимлик* (*kimlik*) вместо *паспорт*; *туганмас калам* (*tügenmez kalem*) вместо *ручка*; *тижорат* (*ticaret*) вместо *бизнес*; *тужжор* (*tüccar*) вместо *савдогар*; *сандалие* (*sandalye*) вместо *стул*; *сандал* (*sandal*) вместо *кайик*. В казахском языке вошли в употребление лексические единицы типа *аймоқ* вместо *область*; *аудан* вместо *район*; *көнтузгу* вместо *календарь*; *төликһужжат* вместо *паспорт*; *зейнеткер* вместо *пенсионер*; *желгер* вместо *арендатор*; *камкер қағаз* вместо *рекомендация*; *жадалишоти* вместо *лифт*; *жадалхат* вместо *телеграмма*; *оётөн* вместо *футбол*; *жиһнан сөласу//симмен сөйласу//жиһ жалғу* вместо *телефон*. В литературной азербайджанской речи вместо *холодильник* употреблена лексема *совудучу* (*сову-тувчи*); в каракалпакской речи слово *поезд* заменено лексемой *отарба* (*от ароба*). В киргизском языке изучаемого нами периода употребляются лексемы *башиһрт* (*боһпурт*) вместо *паспорт*; *башикарма* вместо *правление* и т.д.

Изменения подобного характера наблюдаются в таджикской и в узбекской литературной речи благодаря использованию лексем: тадж. лексема *гумрук* вместо *таможня*; *солнома* // *тақвим* вместо *календарь*; *тарбод* вместо *ревматизм*; *шартнома* // *қароргоһ* вместо *договор*; узб. *божхона* вместо *таможня*; *һудуд* вместо *тер-*

ритория; сайъат вместо *экскурсия*; *режа* вместо *план*; *истеъдод* вместо *талант*; *мавзу* вместо *тема*, которые в настоящее время являются полностью усвоенными литературными таджикскими и узбекскими языками.

Следует отметить, что существует определённое различие в употреблении отдельных лексических единиц в Таджикистане и Узбекистане. Например, для выражения значения слова *район* в Таджикистане употребляется лексема *ноъия*, в Узбекистане – *туман*; для выражения значения слова *республика* в Таджикистане - лексема *љумњурият*, Узбекистане – *республика*; для выражения значения слова *факультет* в Таджикистане употребляется *факулта*, а в Узбекистане – *қуллиёт* и т.д.

Необходимо подчеркнуть ещё раз, что роль изменений в общественной жизни народа, являющихся экстралингвистическими факторами для соответствующих изменений в литературном языке и литературной речи, весьма велика. Экстралингвистические факторы, под влиянием которых произошли заметные изменения в лексике таджикской и узбекской литературной речи, выделены на: 1) максимальные микросоциальные факторы 2) минимальные микросоциальные факторы.

1.4.2. Общественно-политические микросоциальные факторы

К максимальным микросоциальным факторам, которые полностью зависят от изменений в политической жизни общества, относятся:

- 1) взаимовлияние и взаимоотношение языков;
- 2) отстранение Коммунистической партии от гегемонного управления государствами;
- 3) образование и функционирование многопартийности;

4) образование Содружества Независимых Государств (СНГ);

5) приобретение языками стран СНГ статуса государственного языка;

6) образование содружества между государствами Центральной Азии;

7) укрепление политической, экономической, культурной взаимосвязи между странами СНГ с другими странами мира;

8) образование различных государственных и негосударственных учреждений в республиках Центральной Азии и функционирование консульства других государств;

9) изменения в системах административного управления;

10) свобода слова, независимость средств массовой информации и печати и др.

Максимальные и минимальные микросоциальные факторы, функционируя вместе, способствуют и обеспечивают развитие и обогащение литературной речи. Максимальные микросоциальные сферы политической жизни общества тесно взаимосвязаны с языковой политикой, характером функционирования национальных языков.

Основными объектами минимальных политических микросоциальных факторов являются: текст, предложение, словосочетание, отдельные слова, посредством которых выражаются определённые идеологические понятия.

В конце XX и начале XXI веков в узбекской литературной речи широко употребляются слова и словосочетания типа *Олий Мажлис, Миллий Мажлис, Намояндалар Мажлиси, президент, Олий Мажлис раиси, Миллий Мажлис раиси, Намояндалар Мажлиси раиси, Муस्ताкил давлатлар намдўстлиги (МДЎ), Европа намкорлик ва хавфсизлик комитети (ЕЎХК), эркинлик, ыйъат, ноиб, расмиятчи, нухакаи, халкчил, фирка* и т.д.: *Ноъия Шўро ва фирка кўмиталари мададлари нис этилди* («Совет Тожикистони», 16.01.1991) – *Оказана по-*

мощь районного Совета и партийного комитета. Керосин сотиладиган дўконда папирос чекиш масъулиятсизликдир («Совет Тожикистони», 9.02.1991) – *Курение в магазине, где продаётся керосин – безответственность*. Слова и словосочетания подобного характера появились и в лексике таджикского литературного языка. Например: *Раиси Маълиси Олі, Маълиси миллии Маълиси Олі, Маълиси миллі, Маълиси намояндагон, Созмони милали муттаъид (СММ), Созмони амният ва њамкории Аврупо (САӢА), Иттиъоди давлатъои мустаќил (ИДМ) – СНГ* и т.д.

Наблюдаются случаи, когда одни и те же понятия выражаются посредством заимствованных из других языков слов, а также лексических единиц, которые образованы на основе законов собственного таджикского и узбекского языков. Они функционируют в качестве членов парадигм определённой функционально-семантической микросистемы. Например, *сарвари давлат, раиси њукумат, президенти давлат президент; мафкура идеология; ќарор, ќарордод постановление* и т.д. в таджикском языке; *расмиятчи, тўра бюрократ; нухакаш, муърдорлик нотариус; халќчиллик, эркинлик демократия; њайъат, текширув комиссия; девон, маъкама, идора канцелярия; нозир, вазир министр* и др. в узбекском языке. Слова типа *сарвар, раис, ноиб, вазир, тўра, њайъат, мафкура, фармон, девон, маъкама, нозир, вазир, тўра, фирќа, њизб* являются лексическими единицами пассивного словарного состава как устаревшие слова арабского и таджикско-персидского происхождения. Приведённые в парадигматических рядах слова типа *юртбоши, расмиятчи, нухакаш, муърдорлик, халќчиллик, эркинлик, халќчил, халќпарвар, текширув, буйруќ* представляют собой дериваты, которые образованы на основе словообразовательных возможностей узбекского словообразования. В та-

джикском же языке значения *раис, вазир, мафкура, фармон, карор, ыизб* передаются словами, которые однозначно употребляются и в узбекском языке; значения типа *акционер, решение* выражены словами типа *саъом, саъим, тасмим*, которые характерны для лексики только таджикского языка.

Благодаря изменениям в литературной таджикской и узбекской речи появились новые названия, образованные путём композиции (синтаксическим, аналитическим способом), словообразования (неаффиксальным способом словообразования). Так, например, понятие *Дастгоњи вазирон // Вазирлар маъкамаси // Совет министров* в начале 1991 года выражалось в форме *Девони вазирон // Вазирлар девони*. В нём обозначаются все функциональные звенья внутренней структуры министерства: *Вазорати ыифзи тандурустї // Соғликни сақлаш вазирлиги // Министерство здравоохранения; Вазорати фаръанг // Маданият вазирлиги // Министерство культуры; Вазорати саноат // Саноат вазирлиги // Министерство промышленности*. Совокупность названий подобного характера, как мы полагаем, является объектом других самостоятельных исследований.

На наш взгляд, при употреблении некоторых новых слов или словосочетаний в речи обнаруживаются отдельные языковые неудобства, которые можно избежать, используя подходящие или другие вариантивные эквиваленты. Так, например, для выражения одного и того же понятия употреблены лексические варианты типа *ыокимыя, ыокимият, раъбар-раъбарият, котиб-котибот, муъаррир-муъарририят*. Вместо названия-словосочетания *Вазирлар маъкамаси* более уместным является словосочетание-название *Бош вазирлик*, ибо компонент *маъкама* в словосочетании *Вазирлар маъкамаси*, заимствованный из арабского языка, означает «место, где находится судебное

учреждение» (199, 675). В семантической структуре компонента *маъкама* названия-словосочетания *Вазирлар маъкамаси* отсутствует сема *центр*, в котором объединены «министры всех подразделений». Подобно этому и лексема *конституция* употребляется в качестве одного из компонентов парадигмы функционально-семантической микросистемы *Сарқонун-Конституция - Бош Қонун-Асосий Қонун- Конституция*. На наш взгляд, более удобным и уместным является употребление слова *Қонуният* (*қонунлар мажмуаси совоқупнострь законов*) вместо слова *конституция*. Лексема *қонуният* и по своей семантической структуре отвечает основным принципам терминологии. При процессе принятия новых лексем в качестве термина следует учесть и характеры принципа психического навыка, для которого требуется необходимый временной промежуток. Определённый срез времени психического навыка характеризуется тем, что процесс актуального употребления каких-либо новых единиц языка протекает в языке через призму определённых закономерностей языка, они превращаются в его собственные явления (от явления речи – к явлениям языка). Данный процесс является основополагающим фактором для полного усвоения употребления лексемы *Қонуният* вместо *Сарқонун*, функциональных её вариантных эквивалентов *Бош Қонун, Асосий Қонун, Конституция*. Встречались случаи, когда лексема *сар* в таджикском, *бош* в узбекском языках принимает активное участие в образовании новых лексико-семантических единиц, выражающих вновь появившиеся понятия общественной жизни народа. Можно отметить факты наиболее удачного употребления лексемы *сар* // *бош*, например, тадж. *сардабир* главный редактор, *сарароном* главный агроном, *сарвазир* премьер-министр, *саронни давлат* главы государств; узб. *бош уста* главный мастер, *бош шакл* основная форма, *бош майл* основная

форма наклонения. В одной из своих работ профессор А.Ходжиев отрицает наличие языковых категорий, в которых функционируют явления под общим названием *бош*. Термины типа *бош шакл*, *бош майл* представляют лексические единицы, у которых отсутствуют специальные морфологические показатели, т.е. соответствующие аффиксы, характерные для данной категории языка. Профессор А.Ходжиев справедливо подчёркивает, что не соответствует истине применение терминов *нол шакл нулевая форма* и *бош нисбат шакли форма основного залога*, т.к. понятия, которые называются при помощи этих терминов, вообще отсутствуют в грамматическом строе узбекского языка (214, 55). Намного расширена в обоих языках сфера употребления лексемы *президент*, которая кроме значения «руководителя государства» используется в значении руководителей различных организаций и учреждений, (например, *президент Академии наук*). По нашему мнению, не исключено появление в дальнейшем терминологизированного наименования сочетания *Бош президент* в значении «глава государства».

В заключение можно прийти к выводу о том, что любое название новых понятий, независимо оттого, что оно носит характер заимствованных лексических единиц или активизированных из пассивного слоя словарного состава, должно соответствовать требованиям установившихся закономерностей литературного языка и литературной речи.

1.4.3. Социально-экономические микросоциальные факторы

Под воздействием экономических микросоциальных факторов в таджикской и узбекской литературной речи появилось большое количество новых слов и выражений, чрезвычайно важных для развития и совершенствования языка того времени, которые являются объектом настоя-

шего исследования. Появление новых терминов и их употребление в литературной речи является ярким примером содружества Таджикистана и Узбекистана с другими ближними и дальними государствами в экономической сфере. Функционирование новых терминов в сферах экономики и торговли зависит, прежде всего, от развития и расширения знания, сознания и трудового опыта общества, ибо термины с экономическим значением тесно взаимосвязаны со всеми конкретными звеньями политико-экономического строя общества. И.В.Малиновский отмечает, что своеобразная совокупность терминов экономических сфер относится к парадигматической системе языка, а микро-текст, в котором эти термины приобретают характер популяризации, относится к плану синтагматической возможности языка (109, 66). Экономические микросоциальные факторы имеют две взаимосвязанных между собой разновидности: а) максимальные общественно-экономические микросоциальные факторы; б) минимальные общественно-экономические микросоциальные факторы.

Система максимальных социально-экономических микросоциальных факторов состоит из следующих внутренних социальных разновидностей:

- 1) новшества в области производительных сил, производительных орудий, а также бытовых условий;
- 2) экономические связи с иностранными государствами;
- 3) переход на рыночную экономику;
- 4) частая обмен валюта;
- 5) объективное отношение к производительным силам (сдача земли в аренду отдельным лицам или организациям);
- 6) самообеспечение;
- 7) устранение различий между городом и деревней;
- 8) приобретение небольшими районными центрами статуса города;

- 9) образование биржи;
- 10) функционирование иностранных фирм в разных сферах производства;
- 11) образование фирм разных форм и производственных учреждений типа открытой оптовой торговли, открытая торговля, аукцион и негосударственные учреждения;
- 12) открытие и функционирование внутренних и внешних (иностраных) банков (Национальный банк, Агроинвестбанк, Ориёнбанк, Эсхатабанк и др.);
- 13) появление множества торговых точек в городах и других населённых пунктах;
- 14) образование лицеев, спецколледжей и вузов экономической специальности; образование экономических факультетов, университетов;
- 15) издание учебников, учебных пособий по экономическим дисциплинам, а также создание учебных фильмов по данной отрасли науки.

Употребление терминов в разных сферах экономической науки в текстах и предложениях с соответствующими функциями является реализацией минимальных социально-экономических факторов для изменения литературной речи.

Под влиянием экономических микросоциальных факторов в лексике таджикской и узбекской литературной речи появились многочисленные термины и выражения с социально-экономическими значениями, многие из которых приобрели законный статус лексических единиц языка (таджикского и узбекского) и функционируют ныне: тадж. *хольагии деъконӣ, корхонаи муштарак, бонки миллӣ, бонки хусусӣ, соъибкорбонк, ширкати хусусии навонаймоӣ*; узб. *халқаро сармоячи, ьомий, эркин савдо, эркин алмаштириш, тижор, тожир, катта тижорат, ўрта тижорат, кичик тижорат, валюта, доллар, евро, рус рубли (пули), ўзбек сўми (пули), миллий сертификат, савдо уйи* и т.д.

Следует подчеркнуть, что отдельные экономические термины и выражения носят характер дублета другого термина и выражения, в результате чего образовались парадигматические ряды отдельных функционально-семантических микросистем с социально-экономическими значениями.

Такой характер имеют парадигматические ряды типа: тадж. *лямъияти акционерї, лямъияти саъомї акционерное общество; бригадаи оилаві, звенои оилаві, пудрати оилаві семейный подряд*; узб. *сармоя капитал; сармоячи, ьомий спонсор; эркин алмаштириш бартер; тадбиркор, соъибкор, ишбилармон, тижор, тожир, бизнесмен; хусусий корхона, шахсий корхона, кичик корхона, тижорат корхонаси фирма* и др.

1.4.4. Научно-технические и творческие микросоциальные факторы

Одним из наиболее актуальных микросоциальных факторов является научно-техническая и творческая деятельность общества, под влиянием которых в литературной речи появились многочисленные термины, выражающие новые научные понятия - как результат научно-технической и творческой деятельности общества. Микросоциальные факторы научно-технической и творческой сфер также имеют две разновидности: а) максимальные микросоциальные факторы; б) минимальные микросоциальные факторы.

К первой группе микросоциальных факторов в сфере научно-технической и творческой деятельности относятся:

1) стремление повысить могущество научно-технической деятельности;

2) открытие научно-исследовательских институтов и академий по отраслевым научно-техническим дисциплинам;

3) увеличение количества институтов, специальных научно-технических учебных заведений;

4) внедрение в практику научно-технических результатов, рациональных предложений учёных и специалистов;

5) издание научно-технической литературы;

6) издание специальных журналов, сборников, наглядных пособий, учебников и учебных пособий по пропаганде научно-технической деятельности;

7) оформление кабинетов школ и других учебных заведений наглядными пособиями научно-технического содержания;

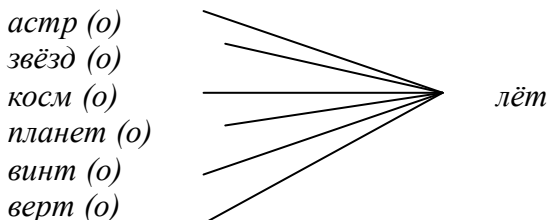
8) поддержка деятельности лиц, занимающихся в области научно-технической сферы.

Практическое, реальное употребление в литературной речи терминов сфер научно-технической деятельности относится к минимальным разновидностям научно-технического и творческого факторов. Эти термины и выражения являются функционально-семантическими членами определённых парадигм, с помощью которых выражаются соответствующие понятия о научно-технической и творческой деятельности. Лингвистическая природа этих лексических парадигм представляется в следующем:

а) функционально-семантические парадигмы, состоящие из 2-х функциональных членов: тадж. *нусха стандарт*; *муъандис инженер*; *наносохтор наноструктура*; узб. *йўрикнома инструкция*; *аломат эмблема*; *тамға пломба*; *тузилма, қурилма структура*; *созловчи слесарь*; *муъандис инженер*; *фазо космос*; *мураттиб диспетчер*; *варақа абонемент*; *назоратчи инспектор*, *наноъажм наногабарит* и т.д.; б) 3-х функциональных членов: тадж. *фармоиш, супориш заказ*; *қолип, гарда трафарет*; узб. *микнотис, оъанрабо магнит*; *нанозарра, наноқисм наночастица*; *фазогир, учувчи космонавт*.

Теперь рассмотрим лингвистические особенности некоторых из перечисленных лексем. Так, например, лексема *самолёт* своим происхождением обязана русскому языку. Она представляет собой сложное слово (комполит), образованное сложением двух собственно русских слов: а) *сам* (эквивалент таджикской лексемы *худ*; узбекской лексемы *ўзи*); б) корень слова от русского глагола движения *летать*; о – между функцио-нальными частями слова является интерфиксом (аффиксом). Слово *самолёт* появилось раньше различных аппаратов,двигающихся в воздухе. Данные некоторых лексикографических источников свидетельствуют о том, что слово *самолёт* возникло по аналогии со словом *паром*, представляющего собой транспортное средство, при помощи которого люди перебирались с одного берега на другой. Слово *паром* в русском языке появилось в 1847 г. *Паром* имеет функционально сходные разновидности. *Паром*, который двигается по воде, назывался *самолётом*. На основе семы «быстро двигающийся» семантического строения слова *самолёт* (одного из разновидностей *парома*) появилась лексема *самолёт* с реальным значением, которое стало собственным её значением, т.е. значением «транспортное средство, которое быстро двигается в воздухе». До появления лексемы *самолёт* в современном значении вместо неё употреблялись поочередно члены парадигматического ряда одной и той же функционально-семантической микросистемы *астролёт-винтолёт-звездолёт-космолёт-планетолёт-вертолёт-гидроплан-аэроплан* (148, 57-62). Члены данной парадигмы имеют одну общую морфемно-словообразовательную модель с двумя разновидностями: 1) $x+o+lёт$; 2) $x+o+план$. Конкретными речевыми-языковыми реализациями разновидностей этой модели являются:

Сх. № 5

Значение этих лексических эквивалентных вариантов в литературной таджикской речи изучаемого периода передавалось посредством словосочетаний типа композитов *навонаймо* летящее небо; *худпар* самолетающий, которые образованы по моделям: $N_{adi}+N_{subs}$ и $N_{subs}+ N_{subs}$.

В литературной речи конца XX – начала XXI веков со значением *самолёт* создана функционально-семантическая микросистема, парадигматический ряд которой содержится из лексем: тадж. *худпар*, *тайёра* самолёт; узб. *учоқ*, *тайёра* самолёт. Следует отметить, что среди них лексема *самолёт* выделяется своим свойством общеупотребительности и общенародности. В настоящее время на приоритетное место в этом парадигматическом ряду претендует слово *тайёра*, которое в 20-30-е годы вытеснило из употребления в речи лексему *самолёт*. На наш взгляд, согласно нормам литературных таджикского и узбекского языков предпочтение должно быть отдано слову *самолёт*, а не лексеме *тайёра*.

1.4.5. Научно-педагогические микросоциальные факторы

Среди микросоциальных факторов сфер науки, образования и воспитания выделяются две разновидности: а) максимальные микросоциальные факторы сфер науки, образования и воспитания; б) минимальные микросоциальные факторы сфер науки, образования и воспитания.

Максимальные научно-педагогические микросоциальные факторы состоят из следующих внутренних сетей:

1) открытие государственных лицеев, гимназий, основной целью которых является обучение одарённой и способной молодёжи;

2) открытие в республике иностранными предпринимателями школ-лицеев (например, турецко-таджикская школа-лицей);

3) открытие и функционирование частных школ (школа профессора Пулата Пулатова, школа Аваза Назарова и т.д.);

4) укрепление академии, научно-исследовательских институтов, высших и среднеспециальных учебных заведений;

5) увеличение количества современных учебных заведений типа института высшей коммерции и спецколледжей;

6) образование народных университетов;

7) обучение молодёжи за рубежом и подготовка высококвалифицированных специалистов;

8) увеличение количества квалифицированных научно-образовательных кадров;

9) принятие закона об образовании;

10) повышение квалификации учителей;

11) укрепление школ материально-методической и технической базой;

12) обеспечение обучения на трёх (таджикском, узбекском и русском) языках на всех ступенях системы народного образования;

13) обучение латинской и старотаджикской письменности.

Отдельные лексические единицы, выражающие понятия науки, образования и воспитания, а также соответствующие текстовые материалы, составляют общую систему микросоциальных факторов данных сфер. Парадигматические ряды функционально-семантических микросистем сфер науки, образования и воспитания представляются следующим образом:

1) парадигматические ряды изучаемых сфер образуются из четырёх членов: тадж. *дабиристон, мактаби таъсилоти миёнаи умумӣ, мактаби ӯмагонӣ средняя школа*; узб. *маромнома, дастур, кўлланма программа*; 2) из трёх членов: тадж. *толиб, талаба, донишљӯ студент; донишкада, куллиёт, бахи, факулта факультет; омўзгор, муаллим, донишомўз учитель*; узб. *нужумишунослик, фалакиёт астрономия; эътиборнома, кафолатнома мандат; билимгоњ, илмгоњ, олийгоњ учебное заведение*; 3) из двух членов: тадж. *бахи курс (бахии аввал первый курс); фалакиёт астрономия; рисола диссертация; рисола монография*; узб. *жуѓрофия география; њандаса геометрия; ташириь анатомия; алжабр алгебра; минбаргоњ кафедра; боскич курс; амалиёт практика* и т.п.

Некоторые из этих парадигматических рядов относятся к лингвистической науке: тадж. *сархат абзац; муродиф синоним; меъёр норма*; узб. *хат боши абзац; олд кўшимча префикс; кўшимча аффикс; гапшунослик, наъв синтаксис; зидлик антоним*. Если в литературной речи значение одного и того же понятия выражается посредством более двух лексем, это вызывает затруднение при однозначном осмыслении и понимании отдельных явлений и понятий данной сферы науки. Так, например, для выражения значения *институт* в таджикском языке используется *дорулфунун, донишгоњ, донишкада*; в узбекском языке употребляются искусственно созданные лексические единицы *илмгоњ, олийгоњ, дорилмуаллимин*; значение лексемы *факультет* передается посредством таджикских лексем типа *донишкада, бахи, факулта*; узбекских *куллиёт, хоњишсабоќ, факулта* и т.п. Для выражения значения *кабинет* употребляются слова: тадж. *утоќ, дарсгоњ, дарсхона, синф*. узб. *дарсхона, ўқувхона, синфхона*; Такой же характер имеет выражение значений лексем *кафедра* тадж. *минбар, минбаргоњ, кафедра*; узб. *минбар, суфра, кафедра*; курс тадж. *бахи*

(бахши аввал, курси якум); узб. босқич (биринчи босқич, биринчи курс); программа тадж. нақша, барнома, дастур; узб. дастур, йўриқ, йўриқнома и т.п.

1.4.6. Микросоциальные факторы культуры-просветительской сферы и искусства

Взаимосвязь языка и культуры, языка и искусства носит определённый политический и идеологический характер. Идеологический характер взаимосвязи языка и культуры, языка и искусства заключается в том, что в соответствии с законами диалектики люди воспитываются в духе интернационализма, в духе общечеловечности, которые взаимосвязаны с национальными признаками литературного языка и литературной речи.

Политический характер взаимосвязи языка и культуры, языка и искусства заключается в том, что национальный язык на своей родине и за её пределами занимает глубокую научную нишу в качестве одного из основных органических элементов культуры (160, 88).

Культурно-просветительские факторы и факторы искусства имеют возможность реализоваться в литературной речи. Эти микросоциальные факторы также подразделяются на две разновидности: 1) максимальные микросоциальные факторы культурно-просветительской сферы и сферы искусства; 2) минимальные микросоциальные факторы культурно-просветительской сферы и сферы искусства.

Максимальные микросоциальные факторы культурно-просветительской сферы и сферы искусства представляют следующие разновидности:

- 1) переосмысление национальной культуры и национальных обычаев;
- 2) развитие самосознания, мировоззрения и уровня знаний людей;

- 3) особое внимание культурно-просветительной сфере;
- 4) привлечение наиболее одарённых учёных и специалистов в культурно-просветительские учреждения;
- 5) увеличение издания научной и литературно-художественной литературы;
- 6) проведение творческих вечеров и юбилеев ведущих мастеров культуры и искусства;
- 7) уделение особого внимания центрам культуры (театры, кинотеатры, университеты, общеобразовательные школы, клубы, дома отдыха, исторические места, музеи и др.);
- 8) проведение гастролей и фестивалей;
- 9) массовая пропаганда национальных промыслов и др.

К минимальным микросоциальным факторам в литературно-просветительской сфере и сфере искусства относятся система лексем, посредством которых выражаются значения явлений данных микросоциальных факторов.

По своей структуре парадигматические ряды функционально-семантических микросистем с данными значениями разнообразны. В них объединены от двух до шести лексических компонентов. Парадигматический ряд с общим значением *анкета* образован в таджикском языке из лексем: *саволнома, варакаи савол, анкета*; узб. *саволнома, сўров, сўроқнома* и т.д. В парадигматическом ряде функционально-семантической микросистемы со значением *косметический салон* в таджикском языке объединены лексемы: *ороишгоњ, кошонан ӯсн, хонаи зебу зинат*; узб. *ороишхона, ороишгоњ, кўркочар, ӯсночар*. Парадигматические ряды функционально-семантических микросистем с общими значениями *музей, мораль, артист* в таджикском языке состоят из членов-лексем: *мамнўёгоњ, осорхона музей; ахлоќ, хулќ, маънавиёт мораль; ӯнарпеша, ӯнарманд, санъаткор артист*; узб. *мамнўёгоњ, кўриқхона, осорхона музей; ахлоќ, хулќ, маънавият мо-*

раль; санъаткор, кўшиқчи, наваскор артист. В парадигматических рядах функционально-семантических микросистем с общими значениями *фантастика, ансамбль, выставка* объединены лексические единицы: тадж. *хаёлот фантастика; даста, гуруъ ансамбль; намоишгоъ выставка;* узб. *уйолам, фарзбонлик фантастика; даста, гуруъ ансамбль; намоишишгоъ, кўрғазма выставка* и т.п.

Парадигматические ряды остальных функционально-семантических микросистем изучаемых микросоциальных факторов в таджикском языке состоят из 3 членов-лексем: *толор, каср, кох зал;* в узбекском языке из двух членов-лексем: *каср, мажлисгоъ зал; синамо кино; кинохона кинотеатр.*

Многие члены-лексемы перечисленных парадигматических рядов являются искусственно созданными отдельными представителями различных отраслей, поэтому они вызывают затруднения в процессе коммуникации.

1.4.7. Микросоциальные факторы печати и средств массовой информации

Микросоциальные факторы данных сфер, подобно другим сферам, также бывают максимальными и минимальными.

Максимальные микросоциальные факторы в области печати и средств массовой информации осуществляются посредством следующих внутренних возможностей:

- 1) увеличение изданий различных газет и журналов с ростом их тиража;
- 2) расширение программ телевидения;
- 3) издание газет, журналов и других печатных органов на разных языках (например, в Таджикистане: на таджикском, узбекском и русском языках), расширение их популярности;

- 4) расширение сети радиовещания;
- 5) издание иностранными организациями популярных книг, газет и журналов;
- 6) демонстрация иностранных фильмов с переводом и без перевода.

Минимальные микросоциальные факторы в области печати и средств массовой информации осуществляются употреблением соответствующих лексических единиц и выражений. Лексическими единицами данных микросоциальных факторов являются тадж. *моънома, фаслнома, рӯзнома, нотик*; узб. *рӯзнома, њафтанома, ойнома, мажалла, жарида, ойнасўз, кунойна, сўзловчи* и т.п.

Общее значение отдельных понятий составляет одну функционально-семантическую микросистему, которая реализуется через определённые парадигматические ряды. Микросоциальные факторы в области печати и средств массовой информации выражаются через парадигматические ряды, каждые из них представлены в качестве одной функционально-семантической микросистемы. Например, парадигматический ряд функционально-семантической микросистемы со значением *диктор* тадж. *нотик, нуктагўй*; узб. *сўзловчи, нотик*; парадигматический ряд функционально-семантической микросистемы со значением *газета*: тадж. *рӯзнома, њафтавор*; узб. *рӯзнома, њафтанома, њафталик*; парадигматический ряд функционально-семантической микросистемы со значением *журнал*: тадж. *фаслнома, моънома, маъалла*; узб. *ойнома, ойбитик, жарида, мажалла*; парадигматический ряд функционально-семантической микросистемы (далее: ФСМС) со значением *корректор*: тадж. *мусаъньеъ, ислоъгар*; узб. *мусаъньеъ, тузатмачи*; парадигматический ряд ФСМС со значением *хроника*: тадж. *вокеанома, солнома*; узб. *кунойна, кундалик, йилнома*; парадигматический ряд ФСМС

со значением *журналист*: тадж. *рӯзноманигор, хабарнигор*;
узб. *рўзномачи, газетачи, журналист* и др.

1.4.8. Микросоциальные факторы братства и содружества

Микросоциальные факторы понятий братства и содружества зависят в основном от взаимоотношения народов различных стран и государств, независимо от их расположения. В изучаемом периоде между народами Республики Таджикистан и Республики Узбекистан значительно расширились дружеские и братские отношения с народами других республик и государств в областях экономики, культуры и торговли. Взаимоотношения народов разных государств являются микросоциальными факторами понятий братства и содружества.

Микросоциальные факторы понятий братства и содружества характеризуются в основном взаимообменом промышленными товарами, продуктами питания и предметами широкого потребления из других стран, что, в свою очередь, приводит к заимствованию лексических единиц, выражающих эти понятия. Употребляясь вначале в живой речи, эти лексические единицы постепенно переходят в литературную речь и литературный язык.

Существуют две разновидности микросоциальных факторов понятий братства и содружества: 1) максимальные; 2) минимальные.

Максимальные микросоциальные факторы данной области реализуются в следующем:

1) экспорт из братских и зарубежных стран нового современного, производственного оборудования, приборов для малых предприятий, автомобилей и других технических средств;

2) гуманитарная, экономическая помощь, оказываемая иностранными и соседними странами;

3) подготовка современных высококвалифицированных кадров для разных нужных отраслей в соседних республиках и зарубежом;

4) расширение торговых связей с соседними и другими странами;

5) заключение договоров с братскими и иностранными государствами по всем сферам общественной жизни (в социальной, экономической, духовно-просветительной сферах);

6) помощь других братских и иностранных стран при выходе из стихийного бедствия разного характера, а также при политических, экономических и других трудностях;

7) помощь других братских и иностранных стран при строительстве железных и автомобильных дорог, проведении газопровода.

Образование соответствующих терминологических систем является минимальным микросоциальным фактором братства и содружества.

Терминологическая система данных сфер имеет такие внутренние подсистемы:

1) названия понятий технического характера: *катора, поезд* в таджикском языке; *электровоз, электричка, паровоз, тепловоз, картошка казигич* в узбекском языке;

2) названия предметов для повседневно-культурной жизни: *панасоник* (телевизор, видеокамера), *суперрадиомагнитофон; ъип (жип), тоёта, мерседес, форд, опел, ауди* (названия легковых автомашин) в таджикском и узбекском языках;

3) названия тканей и одежды: *ламбада, суперламбада, миллионерка, жинси, адидас, реебок, меркурий* в таджикском и узбекском языках однозначны;

4) названия обуви: *саламандра, суперсаламандра, серебря, классика* – однозначно употребляются в обоих языках;

5) названия понятий строительства: *дари пластикӣ пластиковая дверь* в таджикском языке; *туркийча эшик турецкая дверь* в узбекском языке;

6) названия кондитерской продукции: *милки вей, марс, сникерс, твикс* – однозначно употребляются в обоих языках;

7) названия жевательных резинок: *турбо, боми бом, орбита, ловес;*

8) названия напитков: *пепси-кола, тархун, русский размер, пойтахт, оби зулол, шоъамбарӣ* – однозначно употребляются в обоих языках;

9) названия сигарет: *президент, родопи, эссе, пайн* и т.д. – однозначно заимствованы таджикским и узбекским языками.

1.4.9. Микросоциальные факторы военно-оборонительные сферы

Микросоциальные факторы данной сферы тоже бывают максимальными и минимальными.

Максимальные микросоциальные факторы военно-оборонительные сферы осуществляются функционированием следующих звеньев общественной жизни:

- 1) обеспечение внутренней безопасности страны;
- 2) воспитание военнослужащих в духе патриотизма и человеколюбия (гуманизма);
- 3) устранение политического неравенства;
- 4) образование военных институтов и колледжей и т.д.

Лексические средства, которые употреблены в значениях военно-оборонительные понятий, являются минимальными факторами данной сферы. К системе лексических средств микросоциальных факторов военно-

патриотической сферы относятся: тадж. *большоъ таможня*; *бонг тревога*; *ситод штаб*; узб. *гумрукхона таможня*; *сарбозхона казарма*; *ъарбий беморхона госпиталь*.

1.4.10. Микросоциальные факторы быта и бытового обслуживания

Как и предыдущие сферы микросоциальные факторы быта и бытового обслуживания тоже имеют две разновидности: 1) максимальные микросоциальные факторы; 2) минимальные микросоциальные факторы.

Максимальные микросоциальные факторы данной сферы состоят из следующих внутренних звеньев:

- 1) благоустройство городов и сельской местности;
- 2) строительство домов отдыха, домов престарелых, детских домов и домов для инвалидов;
- 3) предоставление социальных льгот лицам, потерявшим силы и здоровье;
- 4) обеспечение культурно-оздоровительного отдыха в зарубежных странах;
- 5) оказание помощи ветеранам войны и ветеранам труда.

Речевые реализации лексических единиц сферы быта и бытового обслуживания являются минимальными микросоциальными факторами данной сферы, система которых включает в себя следующие лексемы: тадж. *сайр, сайл, саёъат маёвка*; узб. *саёъат, сайл, даласайр маёвка*; тадж. *истиронъатгоъ, саёъатгоъ дом отдыха*; узб. *дам олиш уйи, оромгоъ дом отдыха*; *саёъатнома путёвка, меъмонхона гостиница* и др. – однозначно употребляются обеих языках.

1.4.11. Микросоциальные факторы традиционно-исторической сферы

Микросоциальные факторы данной сферы тоже бывают максимальными и минимальными.

Максимальные микросоциальные факторы традиционно-исторических мероприятий осуществляются следующими путями:

1) празднование исторических, традиционных и интернациональных мероприятий (Навруз, Курбан хайит, День Конституции, День образования государства, 1-Мая, 9-Мая, 8-Марта, День учителя, День государственного языка и др.);

2) проведение юбилейных вечеров в честь видных государственных деятелей, деятелей науки и культуры, поэтов, исторических лиц, основателей государства и др.;

3) проведение мероприятий сезонного характера (весенние посевы, субботники, уборка осеннего урожая) и др.

Слова и выражения типа *рўзи хотирот*// *хотира куни* *день памяти*; *рўзи муаллимон* // *ўқитувчилар куни* *день учителя*; *рўзи матбаачиён* // *матбуотчилар куни* *день печати*; *рўзи радио* // *радио куни* *день радио* и ряд других являются языковыми средствами данных микросоциальных факторов и одновременно они относятся к минимальным микросоциальным факторам традиционно-исторических и мероприятий.

1.4.12. Микросоциальные факторы духовно-идеологические сферы

Данная разновидность микросоциальных факторов тоже бывает, двояка: 1) максимальные микросоциальные факторы; 2) минимальные микросоциальные факторы.

К первой группе микросоциальных факторов духовно-идеологических сфер относятся:

- 1) обеспечение в республиках свободы совести;
- 2) издание книг и журналов духовно-религиозного содержания;
- 3) создание казията – центра мусульманского религиозного управления;
- 4) образование в высшем духовном заведении;
- 5) строительство и реконструкция мечетей – мусульманских храмов;
- 6) проведение собраний и мероприятий духовно-религиозного характера;
- 7) образование духовно-религиозных организаций;
- 8) укрепление взаимоотношений и взаимосвязи с мусульманскими государствами;
- 9) обеспечение регулярного свершения паломничества в Мекку и Медину;
- 10) привлечение духовно-религиозных деятелей к участию в работе государственного аппарата;
- 11) проведение духовно-религиозных передач по радио и телевидению.

Реализация минимальных микросоциальных факторов духовно-идеологической сферы осуществляется посредством соответствующих языковых средств, к которым относятся: *гуноъкор, осї виновник; мўмин, мусулмон мусульманин, инсон, банда человек; иймон, вильдон // виждон совесть; мулла, мурид мулла; мурда // ўлик, маййит, жасад мёртвый; арвоъ, руъ дух; тоат, ибодат вознесение молитв; салават, оллоъ, рамазон // рўза руза* и др. в таджикском и узбекском языках.

В процессе речевой реализации микросоциальных факторов духовно-идеологической сферы наблюдаются случаи, когда возникают серьёзные неудобства и противоречия, связанные с употреблением отдельных лексем и выражений. Эти противоречия и неудобства встречаются в следующих моментах:

- 1) при соотношении литературной и общенародной речи;
- 2) при соотношении письменных и устных форм отдельных слов;
- 3) при соотношении стилистического характера употребления слов в устной и письменной речи;
- 4) при соотношении неологических и устаревших слов, которыми выражены одни и те же понятия;
- 5) при различии в функционировании новых лексических единиц в разных регионах.

Итак, изменения, которые появились в литературной таджикской и узбекской речи тесно связаны с изменениями политического, экономического, культурного, духовного и идеологического характеров конца XX - начала XXI веков. И.Ф.Протченко справедливо отмечает, что «язык развивается на основе внутренних своих закономерностей, однако социальные экстралингвистические факторы являются стимулом для актуализации развития и усовершенствования языка» (153, 221).

РАЗДЕЛ II. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Прежде чем приступить к анализу тематических групп, предлагаем их классификацию, отраженную в схеме № 10 (см. стр. 73).

2.1. Некоторые теоретические вопросы номинации

В мире не существует языка, который развивался бы в изоляции от внешней среды, по этому его развитие осуществляется под влиянием соответствующих закономерностей. Закономерность развития языка имеет два вида факторов – внутренние факторы развития языка и внешние факторы. Оба вида факторов характерны и для развития таджикского и узбекского литературных языков конца XX и начала XXI веков. Внутренние факторы развития сопоставляемых языков изучаемого периода характеризуются тем, что многие слова появились путём активизации употребления отдельных лексических единиц, которые находились в пассивном слое словарного состава таджикского и узбекского языков как устаревшие слова. Некоторые лексические единицы под влиянием изменений в общественной жизни таджикского и узбекского народов приобрели новые значения.

Как было сказано выше, рассматриваемы языками было заимствовано большое количество лексических единиц из русского языка, причиной чему явилось присоединение Средней Азии к России. Денотативные основы этих слов тесно были связаны с политической, экономической, духовной и идеологической жизнью народа, которые оказались качественно «новыми» для общественной жизни того времени таджикского, узбекского и других народов Сред-

ней Азии.

Лексические элементы тюркских (в том числе, узбекского) языков встречаются и в языках других нетюркских народов. Так, например, русским языком заимствованы многие слова тюркского происхождения, функционирование которых продолжается и ныне. Такой характер носят лексемы словарного состава русского языка типа *кибитка, колтак, алмаз, кирпич, товар, деньги, арбуз, изюм, камыш, лапша, баллон, шашлык, кумыс, ярлык, хан, казак, карандаш, арча, амур, аксакал, джигит, бай, батыр* и ряд других (92, 68).

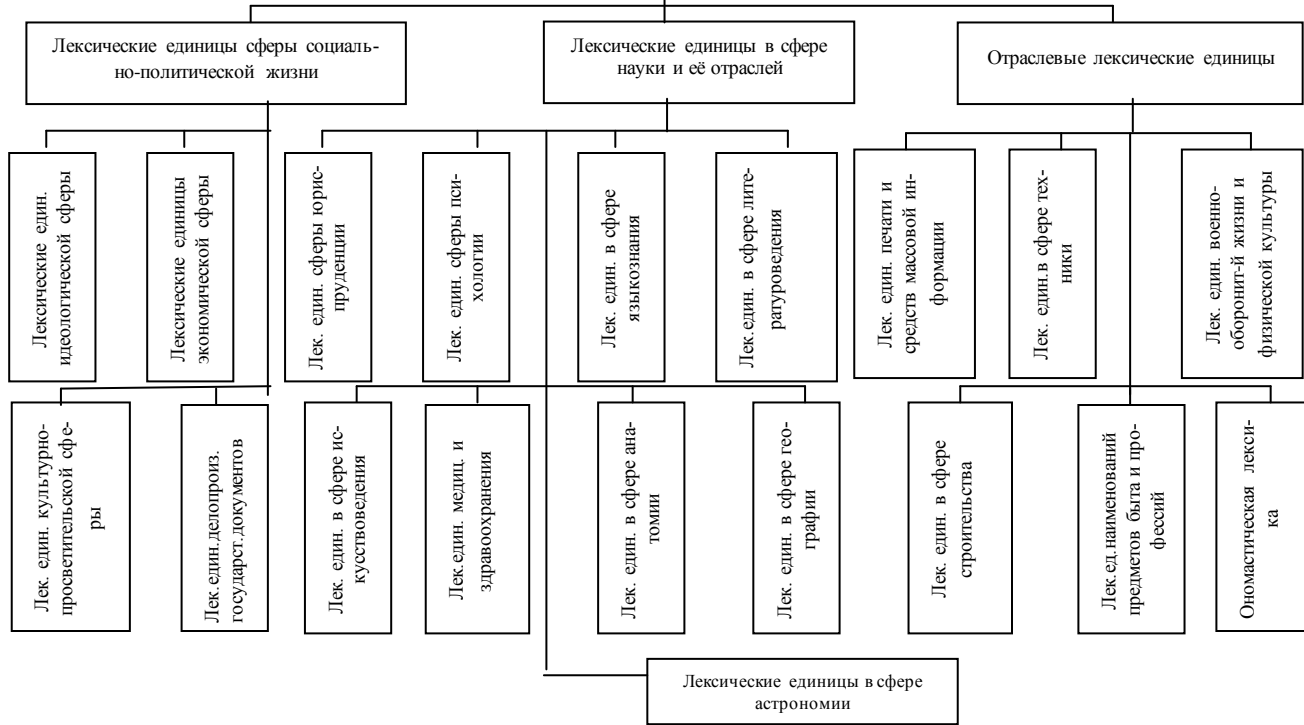
Лексические элементы тюркских (узбекского) языков встречаются не только в лексическом фонде русского языка, они функционируют также и в

арабском языке. В.М.Белкин отмечает наличие в арабском языке лексем типа, *бурги винт; калаюз болт; карвоз карбос; бўза пиво; байроқ знамя; ароба арба; бигиз шило; тамға марка; қозон казан; аврак документ; қалам* которые отделение были в различное время заимствованы арабским языком из тюркских языков (17, 10). Следует отметить, что большинство из перечисленных лексем в лексикографических источниках таджикского и узбекского языка толкуются с пометой «слова арабского происхождения». Что касается современного состояния, то если в таджикском языке весьма велика число используемых арабских слов, то многие из этих арабизмов в лексике узбекского языка не встречаются.

Процесс заимствования таджикских лексических элементов хронологически распадается на два периода: 1) заимствование общеиранских слов в древнейшую эпоху через посредство других языков; 2) заимствование таджикских слов после установления непосредственных языковых контактов между русскими и таджиками, начиная со второй половины XIX в. классическая таджикско-персидская литература IX-XIV вв. оказала существенное влияние на

Схема № 10

Тематическая группы новых лексических единиц в лексике таджикском и узбекском литературных языках конца XX и начала XXI веков

на формировавшиеся в то время тюркские литературные языки народов Средней Азии и Кавказа (вспомним, например, основные вехи творчества основоположников классической узбекской литературы Навои и азербайджанской литературы Низами), через посредство которых таджикские (шире-иранские) слова проникали в русский язык ещё в древнерусскую эпоху. Тематические рамки всех заимствований в период IX до второй половины XIX в были узки, а количество заимствованных слов весьма незначительно, однако слова типа *амбар* прочно вошли в лексическую систему русского языка ещё до установления тесных и непосредственных языковых контактов русского и таджикского народов. Поскольку эти слова проникали устным путём и через посредство других (в основном, тюркских языков), они подвергались значительным фонетическим изменениям (220, 10).

Таджикские заимствования в русской речи отражают различные реалии, среди которых особое место занимают наименования предметов домашнего обихода: *дастархан, палас, хурджун*; национальных музыкальных предметов: *чанг, рубаб, дойра*; род занятий людей: *дехканин, арбакеш, дервиш* и т.д.

Язык как богатство народа характеризуется, такой особенностью, как передача от одного поколения к другому поколению. Все экономическое и духовно-моральное богатство народа отражается и сохраняется в его языке, в котором важную роль играют слова, образующиеся в совокупности общий лексический фонд языка. Все единицы языка, в том числе, и слова, вырабатываются в языке. Такой характер свойственен и заимствованным словам, и словам-дериватам, которые появились в языке посредством определенных способов словообразования. Н.А.Добролюбов пишет, что те слова, которыми пользуется народ, никогда не исчезают. Каждое усвоенное в языке

слово служит для передачи определённых понятий общественной жизни народа и поэтому, национализируясь, приобретает качество «народности».

Развитие одного языка невозможно без влияния на него другого языка, что является закономерным процессом в развитии и обогащении языков. Взаимовлияние языков друг на друга – социальное явление положительного характера. Любого характера новости о явлениях, предметах и их взаимоотношения передаются посредством акустических и графических средств, а также через лучи и сигнальные референты. Естественно, что между референтами и сигналами отсутствует диалектическое согласованное соотношение, устанавливаемое самим человеком благодаря его жизненной практике, в которой важную роль играет коммуникативно-речевой навык человека. В данном процессе языковые знаки (слова и другие единицы языка) функционируют в качестве коммуникативных средств. Отсюда можно прийти к выводу о том, что в коммуникативном процессе языковые единицы, в основном слова, приобретают качества психолингвистического характера, объединяя одновременно в себе два плана – план содержания и план выражения. Эти два плана языковых единиц или лингвистического знака сохраняются в сознании человека как явление мышления. Мышление и язык неразрывно связаны между собой, они не отделимы друг от друга. Развитие и обогащение языка определяется развитием и обогащением мышления или наоборот, чем характеризуется взаимосвязь языка и мышления и их явления.

Взаимосвязь языка и мышления как один из сложнейших и важнейших объектов и лингвистики, и философии, что не является основным объектом нашего исследования, потому что данная проблема имеет принципиальное значение для широкого круга общественных наук. Данный объект, кроме философии, является объектом также социоло-

гии, этнографии и т.п.

Исследуя взаимоотношения языка и мышления, В.Гумбольдт пишет, «язык есть не только средство общения, но и необходимое условие осуществления процессов абстрактного, обобщенного мышления, чем определяется его психологический характер. Важность взаимосвязи языка и мышления характеризуется ещё тем, что в силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности, и представление не может превратиться в понятие. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необходимым устройством человеческой природы» (56, 67).

Взаимосвязь языка и мышления обнаруживается в основном в лексике языка, в которой важную роль играет взаимосвязь отдельных лексем и соответствующих им вещей объективного мира. Вещь объективного мира и слова языка совпадают друг с другом прежде всего в сознании. Поэтому весь внешний мир приходит через слова и отыскивается в них, слово – это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации, осваиваемое слово – ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям (146, 17).

О двух взаимосвязанных между собой планах слова, о которых шла выше речь, можно сказать, что звуковое строение слова называется планом его выражения. Планом выражения слова называется лексемой. Другой план слова называется планом содержания, с этой точки зрения слово совпадает с семемой. Семема является познавательным планом слова. План выражения (лексема) и план содержания (семема) слов не отделимы друг от друга, чем определяется взаимосвязь слова и понятия: «лексическое значение тесно связано с понятием». Понятие привязано к лексеме (к плану выражения слова – Р.Х.) и принадлежит языку. Формирование понятия представляет собой познание

действительности и тем самым это формирование оказывается процессом. В начале развития лексического понятия в нём может быть только одно значение, которое является основным функционально-семантическим признаком данной лексемы.

Знаковый характер слова определяется взаимосвязью его двух сторон – планом выражения и планом содержания. Ещё А.А.Потебня обратил особое внимание на семантическое содержание слова. Слово со своим семантическим содержанием представляет понятие, являясь его символом или знаком. Суть семантического содержания слова не отрицает перцептивного его плана. Перцептивный план слова определяется его фонетическим строением. Важность перцептивного плана слова характеризуется тем, что семантическое содержание слова выявляется через его перцептивный план, т.е. звуковое строение. В письменной речи перцептивный план слова выражается графическим его представлением, т.е. комбинацией определённых букв. Заимствование слов осуществляется сохранением его планов и выражения, и свершения, чем определяется нормальное функционирование слова в другом языке, куда оно перешло.

Язык – это, прежде всего, способ организации информации, обозначающий возможность передачи сегментов информации при помощи материальных явлений. Материальными явлениями сегментов информации являются слова независимо от их исконности и заимствованности, а также слова независимо от характера функционирования, являются ли они устаревшими (архаизмами, историзмами) или неологизмами – это уже не важно. Таким образом, слово – основное материальное средство при передаче какой-нибудь информации. Любая информация тесно связана с понятием речевого отрезка. Речевой отрезок – продукт главной способности языка, способности организовать информацию так, что сегмент информации может быть пере-

дан при помощи материальных явлений. Речевой отрезок представляет собой систему материальных явлений, связанную определенным образом с организованным сегментом информации. Речевой отрезок имеет, следовательно, две стороны: внешнюю, материальную, формальную и внутреннюю, смысловую, содержательную. В соответствии с этим разграничиваются два плана речевого отрезка. План выражения отрезка – это то, что непосредственно воспринимается органами чувств. План содержания речевого отрезка – это то, что понимается, усваивается из него (51, 89). Все новые лексические единицы участвуют в отрезках речи, в ней они получают «путёвку» для дальнейшего функционирования в качестве собственных средств языка определённого периода.

Слова или выражения употребляются в функции носителей определённых понятий, привязанных к какой-либо лексеме и принадлежащих языку.

Употребление новых языковых единиц и их овладение тесно взаимосвязано с понятием так называемой «семантической доли».

Семантическая доля – понятие психологическое, которое характеризуется своим объективным характером. Объективный характер «семантической доли» определяется тем, что посредством этого понятия определяется основной признак семантического строения слова, которое логически приравнивается к понятию реального значения слов.

Семантическая доля в заимствованных, вновь восстановленных или производных новых словах сразу не осознаётся потому, что слова и выражения, которые только что начинают своё функционирование, не обладают реальными значениями, чем они являются понятными и общеупотребительными для всех носителей языка определённой эпохи.

Семантическая доля как логико-содержательное понятие относится к плану содержания лексических единиц.

Семантическая доля тесно связана с познанием. Поэтому значение отдельных лексем, например, терминов, будет одинаково осознано теми, кто имеет общую профессию и знания на одном уровне.

Семантическая доля относится к понятию плана содержания слова. Что касается плана содержания слова, то в науке о языке велись и ведутся затяжные споры по поводу того, какой категории человеческой психики соответствует семантика слова (вопрос о семантике слов – отдельная область лингвистических исследований). Постепенно берёт верх точка зрения, согласно которой планом содержания слова является так называемое лексическое понятие, – естественно онтологически, потому что гносеологически семантику слова не только допустимо, но и необходимо членить и расслаивать (94, 58).

План выражения языковых средств – это есть перцептивное их ощущение. Так, план выражения слова – это есть лексемы (183, 30). Слова в отношении понятия плана выражения являются объектом ономазиологии, а в отношении понятия плана содержания они являются объектом семасиологии.

В одном и том же слове синхронно-синкретически переплетены свойства и ономазиологии, и семасиологии, чем определяется сложность лингвистического аспекта слова, что касается и слов — заимствованных и вновь восстановленных слов.

Ономазиологическим планом слова связаны с процессом номинации, что тесно связано с опытом. Любое наименование в языке является результатом опыта. Длительность опыта может быть самой различной. Человек может изучать и познавать мир в течение многих лет, он может поверхностно ознакомиться с ним, увидев его впервые. Но длительность опыта в данном случае не имеет никакого значения. Важно, чтобы опыт этот был, так как

опыт предшествует наименованию. Появление наименований каких-либо предметов или явлений невозможно представить вне человеческого опыта.

Ономасиология есть совокупность знаний об объективном мире, его явлениях и взаимосвязях между этими явлениями. Объективный мир и его явления являются объектом экстралингвистики, т.е. не лингвистики в чистом виде. Ономасиология и её процесс в целом является объектом лингвистики, а любые взаимосвязи между явлениями объективного мира влияют на состояние (развитие и усовершенствование) языка в качестве неязыковых (экстралингвистических) его факторов.

Основным объектом нашего исследования является ономасиологический процесс, который наблюдается в лексике таджикской и узбекской литературной речи конца XX и начала XXI веков, где речь идёт о существенных неязыковых факторах, под влиянием которых активизировался ономасиологический процесс за счёт появления многих новых лексических единиц и выражений, большинство из них незнакомо и непонятно для носителей таджикского и узбекского языков изучаемого периода. Непонятность вновь появившихся лексических единиц объясняется, прежде всего, тем, что они не были понятны для носителей данного периода в плане выражения и плане содержания этих слов, поэтому не была установлена их семантическая доля у носителей языка.

Между ономасиологическими и семасиологическими процессами наблюдается взаимосвязь, суть которой заключается в том, что ономасиологический процесс первичен в отношении семасиологического процесса.

Ономасиологическом процессом обусловлено возникновение новой лексической единицы, семасиологическим процессом определяется её функционирование в языке и дальнейшая судьба.

Кроме этого, ономазиология, , занимается и определением экстралингвистических основ появления названия (слов) вне зависимости от того являются они основательными или нет. При ономазиологическом процессе выражаются те аспекты языка, которые составляют материал, на котором он построен, что соответствует его словарному составу, а единицей словарного состава, как известно, является слово, лексема.

Ономазиология изучает появление слов. Определяя слово, и указывая на связь звучания и значения, А.А.Потебня рассматривает слово как единство членораздельного звука и значения, либо как «звуковое единство с внешней стороны и единств» представления и значения с внутренней. Определение слова как единства звука и звучания предусматривает ещё наличие третьего элемента – представления, под которым А.А.Потебня понимал содержание мысли или способ изображения данного значения. Таким образом, «всякое слово без исключения состоит из трёх элементов: во-первых, членораздельного звука, без которого слова быть не может; во-вторых, представления и, в-третьих, значения слова» (151, 123-127).

Любое слово обладает возможностью создания вместе с новым значением и нового представления. В значениях слов обобщаются ошущённые представления. До появления слова и вне него имеется и другое значение, не связанное словом, что совпадает с понятием (25, 76). Процесс наименования понятий тесно связан с ономазиологическим процессом. Дальнейшее его функционирование с определенными значениями в языке относится к семасиологическому процессу. У многих слов два этих процесса будут соотносительно взаимосвязаны друг с другом, чем определяется симметрия между двумя планами слов – планом выражения и планом содержания.

Однако симметричность между двумя планами слова не

всегда соблюдается, иногда появляется нарушение соотносительности между ними, что характеризуется асимметрией в их функционировании. Нарушение соотносительности между этими двумя планами слова не отвечает принципам нормальной коммуникации, что приводит к необходимости выявлять и находить другие слова, которые, заменяя их, функционируют в качестве новых наименований определенных понятий. Все эти процессы носят ономаσιологический характер.

Ономаσιологический процесс – явление положительное, в результате чего язык и его лексика обогащаются за счет новых слов, новых наименований, большинство которых начинают своё активное функционирование в языке.

Ономаσιологический процесс связан и с пуристическими течениями. Цель пуристического течения ясна: исключить из языка чужие, иностранные слова и вместо них восстановить употребление отдельных слов, которые находились в пассивном слое лексики как устаревшие. Кроме этого, под давлением пуристических тенденций образуются многие словодериваты на основе словообразовательных способов родного языка. Можно наблюдать влияние пуристического течения на таджикский и узбекский литературные языки конца XX и начала XXI веков, что выражается старанием вытеснить и прекратить функционирование лексем типа *район, инженер, адрес, самолёт* и др. Вместо лексемы *район* начали употребляться лексические дублиеты *ноъия, туман, депара, деъа*; вместо лексемы *инженер* – лексический дублет *муъандис*; вместо лексемы *адрес* – *суроға, манзил, кўнаға*; вместо лексемы *самолёт* *тайёра*. Все перечисленные слова являются арабскими заимствованиями.

Появление новых терминов или переименование понятий – результат ономаσιологического процесса. При появлении новых слов или замены одной лексемы другой следует уделять особое внимание на общенародность этих слов,

учитывая объективное (реальное) и субъективное (нереальное) их значение. А.А.Потебня утверждает, что невозможно найти двух людей, которые однозначно представляли бы значение одной и той же лексемы, которой называется определённое явление объективного мира. Общепризнанный характер слова обеспечивается реальным его значением, что играет немаловажную роль при коммуникативном процессе. Субъективное значение слов может препятствовать их общепризнанному характеру, ибо оно является совершенно «собственным» и субъективным значением.

В процессе переименования «старых» слов новыми или образования новых слов большую роль играет принцип лингвистической экономии. История ономастических процессов свидетельствует о том, что в некоторых языках употребляются устойчивые односложные формы слов. Так, например, в древнегреческом языке огромное количество слов состояло только из одного слога. Небольшое количество типов слогов в китайском языке сильно ограничивало дистриктивные возможности языка даже при наличии тональной системы. В то же время во французском, а также в таких языках, как испанский и португальский, сложные слова вообще не образуются.

Влияние принципа лингвистической экономии наблюдается и в узбекском языке. Многие словосочетания под воздействием данного закона языка превращены в простые слова, истинная морфемно-словообразовательная структура которых осознаётся только через серьёзные этимологические изыскания. Такими являются слова в таджикском языке *харгӯш* (<хар-калон гӯш) заяц; *њалќароњ* (<њалќа роњ) кольцевая дорога; а в узбекском *иштон* (<ич-ки тўн) иштан; *ќирѓоќ* (<ќурук ёќ) берег; *сузмоќ* // *юзмоќ* (<сувни узмоќ) плавать; *куёв* (<ќуданинг ўгли) зять; *ойдин* (<ойли тун) лунный; *ёноќ* (<ён ёќ) скула и др. (22, 23).

Процесс номинации осуществляется разными способами

ми и типами. Образование идиоматических выражений также представляет особый тип номинации. К способам номинации можно отнести также калькирование и заимствование. Каждый из этих способов обладает собственной, иногда неповторимой, спецификой, которую следует учитывать при изучении различных проблем номинации (236, 155).

Следует особо подчеркнуть, что «национализация» языка не должна осуществляться за счёт отстранения иноязычных лексических единиц, многие из них уже превратились в собственные единицы языка, в котором они употребляются под знаком «заимствованные», полностью ассимилируясь в нем. В свою очередь, необходимо учитывать и то обстоятельство, что нет необходимости в функционировании некоторых иноязычных лексем, которые не полностью освоены носителями языкового общества. А.П.Сумарков справедливо полагает, что «заимствованные (иностранные) слова без необходимости испортят языка»(236,152).

Период конца XX – начала XXI веков характеризуется своеобразными сложными социолингвистическими условиями, при урегулировании которых возникли важные неотложные задачи, в первую очередь, перед лингвистами, а также перед социологами. Для целенаправленного решения этих задач нужно принимать во внимание основные закономерности языка, чем определяется его развитие и усовершенствование (22, 24). Переименование отдельных понятий и образование новых лексических дериватов осуществляется двумя способами:

1) заимствование из других языков или восстановление ранее имевших в языке слов названий для наименования понятий, которые возникли в конце XX – начале XXI веков в литературном таджикском и узбекском языках;

2) заимствование и восстановление слов-названий для переименования или конкретизации значений отдельных понятий, которые имелись и раньше.

2.2. Тематические группы слов

2.2.1. Лексические единицы сферы социально-политической жизни общества

Большое количество слов, функционирование которых в таджикской и узбекской литературной речи началось в период конца XX и начала XXI веков, связано с закономерными изменениями социально-политической жизни общества изучаемого периода. Поэтому эти слова со своим семантическим содержанием относятся к специальной подсистеме лексики таджикского и узбекского языков, в которой они объединены в качестве лексических единиц на основе общей функционально-семантической значимости. Действительно, функционально-семантическими планами этих слов изучаемого периода выражены новые социально-политические понятия, которые не имелись раньше. Например, тадж. *Созмони Милали Муттаъид (СММ), Иттиъоди давлатъои муштаракулманофеъ (ИДМ), Љамъияти тоъикон, Ассотсиатсияи тоъикон, ӯқуқбунёд, дунявӣ, тильоратхона, арз, асър, бонки тильоратӣ, бонки миллӣ, соъибкор, Хонаи савдои Душанбе, пули русӣ, пули Русия, пули қазокӣ, дӯкони тильоратӣ* и т.д. узб. *ӯқуқбунёд, мустақил давлат, эркинлик, ӯмий, аксияли тижорат, эркин савдо, очик савдо, очик улгуржи савдо, тижорат дӯкони, хусусий корхона* и т.п. Следует отметить, что не все перечисленные слова и выражения являются заимствованными. Многие из них образованы по словообразовательным моделям изучаемых языков, а некоторые - приобрели новые значения.

Слова типа *асър, арз, муштаракул манофеъ* и т.п. были в употреблении и раньше, однако они могли использоваться для выражения и других общеязыковых значений.

Лексема *оилавӣ* в таджикском языке является функциональным членом состава около десяти словосочетаний с

разными значениями. Эти словосочетания с компонентами *оилави* являются новыми дериватами – мотивированными словами, которые образованы лексико-синтаксическим способом узбекского словопроизводства.

Многие слова и словосочетания таджикской и узбекской литературной речи того периода появились вместо других. Хотя они употреблялись в качестве новых слов и выражений, однако их содержание осталось прежним. Так, например, вместо слова *Совети Олі Верховный Совет* употреблены слова-выражения *Мальиси Олі, Мальиси миллі, Мальиси намояндагон* – в таджикском языке; *Олий Мажлис, Миллий Мажлис, Намояндатар Мажлиси* – в узбекском языке; *совети район районный совет - њукумати ноњия, шўрои ноњия* в таджикском языке; *туман кенгаши, ноњия кенгаши* в узбекском языке; *совети шаър городской совет – њукумати шаър* в таджикском языке; *шаър кенгаши* в узбекском языке; вместо *Раиси Совети Олі Председатель Верховного Совета – Раиси Мальиси миллии Мальиси Олі, Раиси Мальиси намояндагони Мальиси Олі* и т.д. в таджикском языке; *Олий Мажлис раиси* в узбекском языке; вместо *таможня гумрук, больгонь* в таджикском языке; *божхона* в узбекском языке.

Система лексических единиц сферы социально-политической жизни состоит из следующих внутренних функционально-семантических микросистем:

- а) лексические единицы идеологической сферы;
- б) лексические единицы экономической сферы;
- в) лексические единицы культурно-просветительской сферы;
- г) лексические единицы делопроизводства, государственных документов.

2.2.1.А. Лексические единицы идеологической сферы

Лексические единицы идеологической сферы являются своего рода зеркалом политической жизни общества, в которой отражаются экономико-политическое развитие страны и её людей, а также с нею отражается степень развития мировоззрения народа и национальности определённого государства. Лексические единицы типа *иттилоъ, раёсат, хадамот, мақомот, ъома, сафир, анъуман, мулоқот, раводит, истиқлолият, муъольри меънатӣ, шаърванд, байналмилал, ъаънобинӣ, ъаъонишавӣ* и т.д. в таджикском языке; *расмиятчи, расмиятчилик, нухакаш, маъкама, вазир, сарватдор, мулоқот, жалласа, харжумаржталаб, иттиъод, кафолат,, нишон, маскан, мавъумлик, мутлак, умумхалк овоз бериши, фуқаро* и др. в узбекском языке, составляют общую систему лексических единиц идеологической жизни общества. В таджикском языке посредством словообразовательного аффиксидов и аффиксов *-нома, -парвар, -ситон, -густар, -а, -шинос* образованы следующие слова: *оиннома, адолатпарвар, додситон, додгустар, мушовара, ъоиза, њуқуқшинос* и т.д. Среди этих слов и словосочетаний в узбекском языке исконно тюркских используется небольшое количество. Слова типа *элчи, расмиятчи, бошбошдоқчи, тафтишчи, аксилфир-қачи, йўриқчи, пайчи* – образованы посредством словообразовательного аффикса *-чи* со значением деятеля; *расмиятчилик, келишувчилик, якдиллик, эгалик, ақидапарас-тлик, номутаносиблик, кўпорувчилик, касодлик, ичкиликбозлик, мавъумлик* и др. – с помощью словообразовательного аффикса *-лик*; слово *марказчилик* – посредством словообразовательного аффикса *-чилик*; слова *кўшилма, бошқарма, кўлланма* – посредством словообразовательного аффикса *-ма*; слова

типа *маъаллийлаштириш*, *халкчил-лаштириш*, *жипслашув*, *мослашув*, *эскириш* – образованы путём конверсии (глагол + имя существительное); слова типа *ъангоматалаб*, *йилнома*, *бошғоя*, *бошкон (ун)* и др. – образованы аналитическим (синтаксическим) способом словообразования, т.е. они представляют собой сложные слова; слова-фразы типа *юмалоқ хат*, *умумхалқ овоз бириш*, *касаба уюшмаси*, *ойфикр* – образованы лексико-синтаксическим способом словопроизводства. Остальные лексические единицы, относящиеся к идеологической сфере общественной жизни, заимствованы из других нетюркских языков.

Следует особо отметить, что многие слова и выражения независимо от их отношения к «своим» или «чужим» языкам не могут точно выражать понятия или значения, которые выражались их эквивалентами, употребление которых ныне сократилось или вообще прекращено. Поэтому некоторые из них не смогли пока найти своих точных позиций и являются членами парадигматических рядов каких-нибудь функционально-семантических микросистем. К словам такого характера относятся: *ғайридавлатӣ*, *ғайрињукуматӣ* *неправительственный*; *вазир*, *нозир* *министр*; *ъамоъанғӣ*, *ъамоъангсозӣ* *согласие*; *созиш* *компромисс* и т.д. – в таджикском языке; *уюшма*, *шартнома*, *қарор*, *вакил*, *йўл-йўриқ*, *дастур*, *њуқмдор*, *тўнтариш*, *қочоқчи* и др. – в узбекском языке. Подобные неудобства вызвали появление следующих парадигматических рядов функционально-семантических микросистем (ФСМС) идеологической сферы: *халқчилик*, *эркинлик* *демократия*; *халқпарвар* *демократ*; *ноиб*, *вакил* *депутат*; *расмиятчи*, *тўра* *бюрократ*; *расмиятчилик* *бюрократия*; *нуххакаш*, *муърдорлик*, *ёзувчи*, *котиб* *нотариус*; *қўрсатма*, *барнома*, *йўриқ*, *дастур*, *супердастур*, *йўл-йўриқ*, *маромнома* *программа*; *ъайъат*, *текиширув* *комиссия*; *девон*, *девон-*

хона, маъкама, мунийхона, идора канцелярия; нозир, вазир министр; келишувчилик компромисс; гумашта агент; ьангоматалаб, можсарожуй – в узбекском языке.

2.2.1.Б. Лексические единицы экономической сферы

Как известно, материальное могущество каждого государства и общества определяется его экономикой. Слова и выражения экономической сферы являются одними из ежедневно и активно употребляемых языковых средств. Лексический состав рассматриваемых языков периода конца XX – начала XXI века богат словарными единицами, выражающими понятия и реалии, относящиеся к экономике. Широкое употребление лексических единиц и выражений экономической сферы общества изучаемого нами периода объясняется тем, что в общественной жизни появились такие социально-экономические явления как «рыночная экономика», «переход к рыночной экономике», которые тесно связаны с новой экономической политикой Таджикистан, Узбекистан и других соседних республик. Все эти общественные явления отражались в таджикской и узбекской литературной речи посредством отдельных лексем и выражений, совокупность которых составляет систему функционально-семантических единиц и выражений в области экономики общественной жизни носителей языка.

Кроме этого, древняя история народов Средней Азии свидетельствует о том, что торговый Великий Шёлковый путь проходил через территории Таджикистана и Узбекистана. Поэтому в словарном составе изучаемых языков функционирует специальный пласт, объединяющий все слова и выражения, значения которых тесно связаны с системой торговли. Слова типа *сармоя, сармоядор, харольот, фонда, зарар, савдо, савдогар, тожир, тижор, тижорат, товар, харид, мол, харж* составляют специальный пласт лексики

таджикского и узбекского литературных языков конца XX и начала XXI веков. В данном периоде активно употреблялись слова и выражения экономической сферы нашего общества, среди них были и «чужие» - заимствованные таджикским и узбекским языками из языков других народов, и «свои», употребление которых были вновь восстановлено носителями языков данного (настоящего) времени. Вошли в употребление слова и выражения типа тадж. *бонки тильоратӣ, соъибкорбонк, нуқтаи ивазкунии асъор, бозори дохилӣ, сармоџи беруна, дӯкони тильоратӣ*; узб. *акционерлик жамияти, аксиядорлик жамияти, аксиячи, њиссадорлик жамияти, корпоратсия, консерн, жамоат, ширкат хўжалиги, ширкат, валюта биржаси, ички валюта бозори, ички валюта, валюта алмашув нуқталари, миллий валюта, ким ошди савдоси, эркин айирбошлаш, Марказий банк, тижорат банки, ички эркин айирбошлаш, тижорат дӯкони, савдо уйи, Душанбе савдо уйи, Самарқанд савдо уйи, Жиззах савдо уйи* и т.д.

Важным для языкового состояния изучаемого периода является то, что за счёт вариантов в обозначении одних и тех же значений появились дублетные эквиваленты, которые объединены в отдельные парадигматические ряды функционально-семантических микросистем, общее значение которых имеет непосредственное отношение к понятиям экономической сферы общественной жизни. Для сравнения приведены примеры: парадигматический ряд ФСМС со значением *акционер* - тадж. *њиссадор, акционер*; узб. *пайчи, њиссадор, акционер*; парадигматический ряд ФСМС со значением *фермер* - тадж. *соъибкор, пудратчи*; узб. *ишбилармон*; со значением *валюта, бизнесмен, акционерная общество* - *асъор, асъори миллӣ; тульбор, тольир, ламъияти саъомӣ (ламъияти саъомии кушода, ламъияти саъомии пўшида)* и т.д. в таджикском языке; *тижор-*

ратчи, тужжор, тижор, тожир и т.д. в узбекском языке.

Все государства Центральной Азии перешли к рыночной экономике, в результате чего на страницах периодической печати этих республик начали функционировать слова и выражения с новым социальным содержанием (значением). Обратим внимание на функционирование слов и выражений с экономическим значением в таджикском языке: *Љамъияти саъомии кушодаи «Агроинвестбанк» ба ӯамагон мерасонад, ки аз 1 июли соли ӯорӣ андозаи фоизӯои амонатӯои мӯӯлатнок зиёд гардидааст.* («Садои мардум», от 15 июли 2008 г. за №84/2315). Здесь употреблено словосочетание *ӯамъияти саъомии кушода*.

В качестве примера приведём слово узбекского языка *акционерлик* и выражение *акционерлик жамияти*, которые встречаются на страницах республиканской газеты «Халк сӯзи» от 31 марта 1995 г. (за №63): *30 март куни Тошкентда Германиянинг «Сименс» акционерлик жамиятининг ваколатхонаси очилди.* В этом же номере газеты имеется предложение *«Республика ӯукумати ва Марказий банк миллий валютанинг ички эркин айирбошлашни босқичма-босқич амалга ошириши юзасидан кӯраётган чора-тадбирлари натижасида валюта бозорининг ресурс базаси кенгайиб, унинг катнашчилари сони ортмоқда»*, в котором употреблены словосочетания *Марказий банк, миллий валюта, ички эркин айирбошлаш, валюта бозори*, все они выражают отдельные понятия экономической жизни народа.

2.2.1.В. Лексические единицы культурно-просветительской сферы

Функционирование и актуализация употребления слов и выражений культурно-просветительской сферы тесно связаны с развитием и совершенствованием науки, техни-

ки и культурно-идеологических узлов общественной жизни конца XX и начала XXI веков. Мощным импульсом ускорения изменений в обществе является приобретение таджикским и узбекским языками статуса государственного языка. Функционирование слов и выражений единой области лексики различается ареалами их употребления, от чего иногда образовались парадигматические ряды, функционально-семантические члены которых отличаются друг от друга степенью употребления их в разных территориальных регионах. Например: тадж. *овеза, лавъа, тахта* доска; *намоишнома* сценарий; *намоишгоъ* выставка; *боғи Ӣайвоно*т зоопарк; *дафтари синф* классный журнал; *рамз, аломат* символ; узб. *маълумотнома, билдирги* справка; *субъёк* акварель; *танаффус* антракт; *истиرونат боғи, дам олиш боғи* парк; *макбара* мавзолей; *маданият уйи* дом культуры; *комус* энциклопедия; *ташвикий эълон, тарғиботнома* реклама и т.д. Данные примеры наглядно раскрывают разновидность систем слов и выражений изучаемой сферы общественной жизни, при помощи которых выражаются отдельные понятия библиотечного дела, что имеет тесную связь с автоматизацией и механизацией процессов библиотечной деятельности. Терминологическая система данной области общественной жизни способствовала развитию отдельных пластов лексики таджикского и узбекского литературных языков и расширению сферы их функционирования. Следует отметить, что терминологическая система библиотековедения и библиографической деятельности в основном состоит из заимствованных из русского и других европейских языков слов. Собственно таджикские и узбекские эквиваленты единиц терминологической системы библиотековедения и библиографической деятельности имеют характер лексических калек. Например, термин русского происхождения *книгодержатель* переведён как *китобдорак* в таджикском; *ки-*

тоб туткич в узбекском языке; термин *книгопечатание* – как *китобчопкунї* в таджикском и *китоб босиш* в узбекском языке; термин *переплётная машина* – как *мошинаи муковакунї* в таджикском; *муковаловчи машина* в узбекском языке; термин *книгохранилище* – как *китобнигоьдорї* – в таджикском; *китоб сақлагич* в узбекском языке. Появились калькированные эквиваленты русских оригиналов типа *њуруфчин//ъарф тергич; нусхабардории электронї // электрон нусхалаш; микрофилмкунї // микрофилмлаштириш* и др.

2.2.1.Г. Лексические единицы делопроизводства, государственных документов

Парадигматические ряды функционально-семантических микросистем со значением делопроизводства, государственных и административно-официальных документов представляются следующими:

а) парадигматические ряды, состоящие из четырех членов: тадж. *шаъодатнома, камолотнома, гувоънома аттестат*; узб. *гувоънома, бошпурт, кимлик паспорт; шаъодатнома, камолотнома, гувоънома аттестат*;

б) парадигматические ряды, состоящие из трёх членов: тадж. *ифтихорнома, таърифнома грамота; шартнома, қароргоъ, договор*; узб. *сўров варақаси, сўроқнома анкета; таърифнома, ёрлик грамота; лавозим, мансаб должность*;

в) парадигматические ряды, состоящие из двух членов: тадж. *фита, лотерея; расид квитанция; љазонома письменное наказание; љавознома лицензия; гузарнома пропуск*; узб. *ъайфсан выговор; кўчирма выписка; юкхати накладная* и т.д.

Следует отметить, что в приведенных парадигматических рядах не все компонирующие их члены являются уместными и отвечают нормам литературной речи, иногда

они бывают громоздки и неудобны в произношении. К ним можно отнести слова и выражения типа тадж. *варакаи баъисобгирӣ табель*; узб. *ъисобга олиш варакаси табель*; *шахсий њужжатлар йиғмажилди* личное дело; *босма иш коғози* бланк; *билдиргич* справочник; *омадпатта* потеря; подобный характер имеет и *чинтаи њарбӣ* в значении *военный билет* в таджикском языке и *њарбий чинта* в узбекском языке.

2.2.2. Лексические единицы в сфере науки и её отраслей

2.2.2.A. Лексические единицы сферы юриспруденции

Благодаря происшедшим в обществе изменениям появились новые слова и выражения и в области юриспруденции, которые включены в соответствующие парадигмы в качестве их членов. Парадигматические ряды функционально-семантических микросистем данной области науки по характеру своего состава представляются следующим образом:

1) парадигматические ряды, состоящие из четырёх функционально-семантических членов: тадж. *шикоят, арз, арзу дод* жалоба; узб. *умумий фикрлик, келишувлик, келишиш* консенсус; *шикоят, арз, арз-дод* жалоба;

2) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ (функционально-семантических членов): тадж. *айб, гуноъ вина*; *айбгузорӣ, айбдоркунӣ* обвинение и т.д.; узб. *камситиш, хўрлаш* дискриминация; *њимоячи, оқловчи* защитник; *айблаш, қоралаш* обвинение и т.д.

Парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *Сарқонун, Конститутсия* Конституция; *раъйпурсӣ* референдум; *парванда* дело; *додситонӣ* прокуратура; узб. *жиноятчи, жинояткор* преступник; *мақом* статус; ка-

фолат гарантия; *њукук* *маслињатчиси* консультант;
айбланувчи обвиняемый; *жарима* штраф и.т.д.

2.2.2. Б. Лексические единицы сферы психологии

Слова и выражения в области психологической науки объединены в состав парадигматических рядов, которые представляют:

1) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *руъшинос, равоншинос психолог; руъшиноси тиббӣ, равоншиноси тиббӣ, психологияи тиббӣ* медицинская психология; *этикоднок, этикодманд* уверенный; узб. *акс эттириш, таъсиротга жавоб кайтариш* рефлекс; *иктидор, истеъдод* талант; *жўйкинлик, жўйкин ьолат* эмоция; *хулк, сажия* характер; *руъ давоси, руъ шифоси* психогигиена;

2) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *акл* интеллект; *асаб* нерв; узб. *руъият* психика; *руъшунослик* психология; *руъий жарайн* психический процесс.

Следует отметить, что не все составляющие ФСЧ вышеприведённых парадигматических рядов отвечают требованиям нормированного употребления в качестве термина данной отрасли науки. Неудобство, в некоторых случаях неприемлемость, употребления отдельных терминов наблюдается и в таджикском языке. Например, *рецептор нўги торъои асабъои ьискунанда, ки таъсирро кабул мекунад* и т.д. Не представляется возможным в узбекском языке замена слова *рецептор* сочетанием *асабнинг таъсиротини кабул килувчи кисми*. Неудобным для литературной речи является словосочетание *таъсиротга жавоб кайтариш* в значении *рефлекс*.

2.2.2. В. Лексические единицы сферы языкознания

В последние 30 лет прошлого века таджикское и узбекское языкознание развивалось на основе достижений общего языкознания, научно-теоретическим разработкам

подвергались все отрасли и уровни рассматриваемых языков. Полученные в ходе проведённых научных изысканий достижения, в первую очередь, отражались в менталингвистической системе, т.е. в системе таджикской и узбекской терминологии. В процессе развития таджикского и узбекского языкознаний и их отдельных отраслей происходило определение и уточнение некоторых языковых явлений и понятий. Появились соответствующие их названия-термины, которые способствуют дальнейшему развитию таджикского и узбекского языков.

После приобретения таджикскими и узбекским языками статуса государственности многие языковые понятия получили наименование новыми терминами, в результате чего появились парадигматические ряды, состоящие из претендующих на лидерство членов. Например, тадж. *алифбо* *букварь*; *сархат* *абзац*; *овозииноси* *фонетика*; *муродиф* *синоним*; *пасванд* *суффикс*; *пешванд* *префикс*; *сарфу наъв* *морфология и синтаксис* и т.д.; узб. *тилшунослик*, *лисонийт*, *лингвистика* *наука о языке*; *хатбоши*, *абзас* в значении *абзац*; *таълил*, *анализ* в значении *разбор* (например, морфологический).

Относительно использования тех или иных терминов в таджикском и узбекском языкознании наблюдаются некоторые разногласия. Неудачные термины обнаруживаются и в таджикском языкознании. Так, например, *усул* претендует на лексему *методика*; *усули таълим* *методика обучения*; *намгуна* вместо лексемы *омоним*; *тазод* предлагается вместо лексемы *антоним* и др.

В узбекском языке функционирует лексема *тизим*, которую используют в значении слова *система*. В своём научном труде академик А.Ходжиев доказывает удобность и уместность употребления самого термина *система*. По его мнению, лексема *тизим* как термин не может полностью выразить значения лингвистического понятия *систе-*

ма и её употребление представляется нецелесообразным, поэтому слово *система* как термин должно функционировать в узбекском языке и в дальнейшем (214, 5).

О некоторых неудачных терминах языкознания, которые ошибочно включены в школьные пособия по родному (узбекскому) языку, пишет и профессор Ё.Таджиев. Он научно раскрывает причины неудачного употребления терминов типа *юриш феъли, гапларнинг луғавий шакллари, сўзларнинг луғавий шакллари, ундов гап сўзлар, модал гап сўзлар, тақлидлар* и др., которые использованы в учебнике родного языка 1998 г. (180, 32).

2.2.2. Г. Лексические единицы сферы литературоведения

Претендование друг к другу слов и выражений обнаруживается и в сфере литературоведения, где они объединены в составе парадигматических рядов следующих видов:

1) парадигматические ряды, состоящие из пяти ФСЧ: тадж. *адабиёти шифоъи халқ, элодиёти даъони халқ, элодиёти халқӣ, элодиёти шифоъи халқ фольклор*; узб. *тур, хил, йўл, шакл вариант*;

2) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *таръимон// таръумон, мутаръим переводчик*; узб. *ихтилоф, низо, зиддият конфликт; бурчак, ойнасўз, рукн рубрика*;

3) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *нақл, ӯикоёт, ривоят предание*; узб. *вазн, оъанг ритм; таркиб, умумлаштириш синтез; сайланма, тазкира антология*;

4) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *ашъор, шеър стихи; зарбулмасал, мақол пословица; гоя идея; қисса повесть*; узб. *терма китоб хрестоматия; хаёлот фантастика; мавзу тема* и т.д.

Наблюдаются случаи, когда не все слова могут сохранять свои прежние значения для дальнейшего функционирования. Таким из них является в узбекском языке заимствованное из таджикско-персидского языка слово *девон*. Данное слово имеет и характер термина в терминологической системе литературоведения, наряду со своими несколькими значениями. Например:

1) в значениях канцелярия *маъкама*, государственное учреждение *вазоратхона* // *давлат идораси* (*Вазир ба хона омад ва нишаст ва рӯзи дигар ба девон нарафт* // *Вазир уйига кайтди ва ўтирди, эртаси куни девон томон бормади* – *Министр вернулся домой и завтра он не пошёл в канцелярию*);

2) в значении заседания государственных чиновников:

***Ба Харроди Барзин бифармуд шоъ
Ки љон аризеву девон бихоъ. (Фирдавси)***

3) в значении сборник стихов, сборник художественных трудов:

***Сухан сардафтари девони ишк аст,
Сухан ганъинаи султони ишк аст. (Ўилоли)***

В лексикографических источниках приведено 8 значений слова *девон*, три из которых являются переносными. Существует предположение, согласно которому *диван* (предмет мебели) является фонетическим вариантом слова *девон*. Болгары и хорваты *девон*-ом называли комнату, куда приглашаются гости, т.е. гостиную. На западе, точнее у итальянцев и французов, под данным словом понимались предметы и мебель, которые предназначались для гостей, на которой они сидят. Слово *диван* со значением одной из разновидностей мебели заимствованно русским языком из французского, а через него (т.е. через русский) перешло в таджикский и узбекский языки. У поляков слово *диван*

(<*дефон*) обозначает иное понятие. В польском языке под этим словом *дефон*//*диван* понимается не сам предмет мебели, на котором сидят, а материал, которым он покрывается. Характерным является то, что в таджикском и узбекском языках слово *дефон* употребляется в основном в значении *сборник произведений одного автора: Девони Фузули // Фузулий девони диван Фузули; Девони Навої //Навоий девони диван Навои; Девони Њофиз // Њофиз девони диван Хафиза.*

С начала 1990 г. в узбекской речи *дефон* стал употребляться в значении *литературоведение*.

2.2.2. Д. Лексические единицы сферы искусствоведения

Искусство является неотделимой частью культурно-просветительской, духовно-идеологической жизни общества. Объективная жизнь народа не в состоянии существовать без искусства. Уровень развития сферы искусствоведения, определяется прежде всего, состоянием соответствующего пласта лексики каждого языка, который состоит из системы определённых слов и выражений (словосочетаний). Один из специальных пластов словарного состава таджикского и узбекского языков содержится из слов и выражений, которые обозначают определённые понятия в области искусствоведения. За счёт некоторых заимствованных из других языков и вновь восстановленных из родного языка лексических единиц образовались следующие парадигматические ряды данной области науки:

1) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *мусикиनावоз, сознавоз, созанда, навозанда музыкант; мақом, оъанг, наво, савт мелодия; узб. юзбезакчи, пардозчи, гримчи гримёр;*

2) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *таблак, нағора барабан; санъаткор, ъунарманд,*

њунарпеиша артист; узб. *хушсадо, наво, мунсадо мелодия*;

3) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *яккахон солист*; *бастакор композитор*; *санъатишнос искусствовед*; *дастаи њунарї ансамбль*; *шоънай флейта* и т.д.; узб. *даста ансамбль*; *санъаткор артист*; *мусиќа музыка*; *рангтавир живопись*; *ќўшовоз дуэт*; *саъна безаш декорация* и т.д.

2.2.2. Е. Лексические единицы сферы медицины и здравоохранения

Лексические единицы (слова и выражения) в области медицины и здравоохранения, как правило, имеют характер интернациональности, общенародности, что является их чертой, отличительной от лексических единиц других пластов словарного состава языка. Интернациональный (общенародный) характер лексических единиц объясняется тем, что строение живого организма одинаково, характер заболевания и его лечение тоже осуществляется единым (одинаковым) способом. Поэтому, на наш взгляд, терминологическая система в области медицины и здравоохранения должна быть единой и всем понятной в мире. Тем не менее, в терминологической системе изучаемого периода появились такие слова и выражения, которые претендовали на употребление в качестве отдельных терминов и выражений, полностью усвоенных членами общества того времени, коммуникативное общение которых осуществлялось посредством таджикского и узбекского языков.

Парадигматические ряды слов и выражения в области медицины и здравоохранения конца XX – начала XXI веков представляют собой следующие конструкции:

1) парадигматические ряды, состоящие из восьми ФСЧ: тадж. *шифохона, бемористон, беморхона, дармонгоъ, табобатгоъ, хастахона, маризхона, касалхона больни-*

ца; узб. *хандори, хабдори, хўндори, хўбдори, нўбдори, нўндори, њабдори, њандори таблетка*;

2) парадигматические ряды, состоящие из шести ФСЧ: тадж. *касал, ранљур, бетоб, хаста, мариз, бемор* больной; узб. *нурхона, хастахона, беморхона, касалхона, шифохона, давомаскан* больница;

3) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *њамишираи тиббӣ, њамишираи шафќат, њамишираи тиб* медсестра; узб. *муолижакор, дўхтур, шифокор* доктор;

4) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *духтур, пизишк* доктор; узб. *дори, дори-дармон* медикамент; *ходмигарлик, уквалаш муолижаси* массаж;

5) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *шикастабанд* костоправ; *тарбод* ревматизм; *зуком грипп; зукоми парранда* птичий грипп; *њукна* клизма; *байтор* ветеринар; узб. *тиб, тиббийёт* медицина; *жарроњ* хирург; *даволанувчи* пациент; *бўлма* палата; *бўлинма* отделение; *тиббий кўрик* медосмотр; *ходмигар* массажист и т.д.

2.2.2. Ё. Лексические единицы сферы анатомии

Как известно, анатомия представляет собой одну из самостоятельных отраслей естествознания. Сам термин *анатомия* в литературной узбекской речи назывался термином *одамиунослик*, функционально-семантический план которого не совпадает с функционально-семантическим планом термина *анатомия*. Совпадение подобного характера встречается и в анатомической терминологической системе, что связано с искусственным появлением в последнее время некоторых терминов и выражений данной области науки.

В конце XX и начале XXI веков в анатомической науке встречались такие слова, как тадж. *шоњраг, рўдаи ғафс*,

думғоза, ʎоғи боло, асаби сертор, ʎалқум, манаъ, аррапушит и др., узб. *ташириъ, жимжилоқ, чов, тақим, энгак, ўсиқча, аъзо, тумишук, асаб, эт, дўнг, ковуқ, бодомча, манглай суяги, катакча, тўсиқ, бўғиз, қурсоқ, сафро, чайнов мушаги, тизимча, товуш ёруғи, бошча, юткин, тожча, ботик, дўнгча, сайёр асаб, шотомир, мағиз, дарз, гардан, юмалоқ бўғим, калла гумбази, каналча, уч тармоқли асаб, аччиқ ичак, тана, талоқ, насл, қурак тишлар* и др.; некоторые из них вообще не отвечают функционально-словообразовательным требованиям научной терминологии.

В данном периоде в таджикском и узбекском языках появились такие парадигматические ряды, в составе которых присутствуют перечисленные выше лексические единицы. Например, 1) парадигматические ряды, состоящие из четырех ФСЧ: тадж. *зақан, чо́на, ʎоғ, манаъ* нижняя челюсть; *ʎалқум, ʎалқ, гулў* горло; узб. *мушак, мускул, эт* мышцы; *сийдик копча́си, сийдик пуфаги, ковуқ* мочевого пузыря; 2) парадигматические ряды, состоящие из трех ФСЧ: тадж. *асаби сертор, асаби гардан* блуждающий нерв; *мушак, мускул* мышцы; *аррапушит, сутунмўньра* позвоночник; *пой, поча* нога; узб. *бешинчи бармоқ, жимжилоқ* большой палец; *чот, чов* бедро; *тумишук, бурун нос; ʎужайра, катакча* клетка;

3) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *устухонишинос* остеолог; *думғоза* копчик; *заърадон* желчный пузырь; *мушаки гардан* мышцы шеи; *ʎоғи боло* верхняя челюсть; *ʎоғи поён* нижняя челюсть и узб. *аъзо* орган; *манглай суяги* лобная кость, *бурун суяги* носовая кость; *қўкрак қафаси* грудная клетка и т.д.

2.2.2. Ж. Лексические единицы сферы географии

В любом языке существует целый пласт слов, употреблявшихся ещё в древности. Профессор Х.Хасанов такие слова называет традиционными терминами и в их ряд включает слова типа *арик, даража, жуѓрофия, курра, кўрфаз, микёс, маъдан, сайёра, сайр, туш чизиѓи, уфќ, харита, ьарорат* и т.д. (209, 22).

В конце XX - начале XXI веков в употребление вошло множество слов и выражений, которые обозначают географические понятия. Например, тадж. *наќша, харита, кўл, истивор, мадор*; узб. *кичик ўрмон, иќлимишунослик, иќлимишунос, дара, куманжир* и т.д.

Данные лексикографических источников свидетельствуют о том, что за счёт новых слов и выражений образовались парадигматические ряды функционально-семантических микросистем с географическими понятиями типа тадж. *иќлимишunos климатология; микёс масштаб; уфук горизонт; кутб полюс* и т.д.; узб. *тўплам коллекция; кичик ўрмон колки; куманжир кактус; тасвир иллюстрация; ьарорат чизиѓи изотерма; жаъон уммони, жаъон океани мировой океан.*

2.2.2. 3. Лексические единицы сферы астрономии

Парадигматические ряды функционально-семантических микросистем со значением астрономических понятий, которые появились и начали функционировать в конце XX и начале XXI веков, представляют собой следующие конструкции: а) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *кайъонавард, космонавт астронавт; ситорашинос, мунаълим астролог*; узб. *мунажжим, раммол астролог; сайёра, минтаќа планета; Зуъал, Зуъайл Сатурн; Чўлпон юлдуз, думли юлдуз комета*; б) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *фалакна-*

ймо космический корабль; *фалакиёт* астрономия; *Миррих* Марс; *сония* секунда; узб. *Зуъра* Венера; *фалакиётчи, фалакиёттиунос* астроном; *фалакиёттиунослик* астрономия; *дакика* минута; *Муштарий* Юпитер; *Уторуд* Меркурий.

2.2.3. Отраслевые лексические единицы

2.2.3. А. Лексические единицы сферы печати и средств массовой информации

В результате происшедших в Таджикистане и Узбекистане общественно-политических изменений и приобретения таджикским и узбекским языками статуса государственности на страницах периодической печати и средствах массовой информации этих республик появились многочисленные новые слова и выражения, относящиеся к этой области общественной жизни.

Данные лексические новации характеризовались как переводные эквиваленты заимствованных из других языков их вариантов, а также вновь восстановленными из числа устаревших словарных единиц, которые сохранились в пассивном слое лексики таджикского и узбекского языков. Например: тадж. *мушовара, нашир, фаслнома, моънома, сардабир*; узб. *ойнасўз, таърир ӈайъати, матбаачи, тасвирчи, калам ӈаки* и др.

С появлением новых слов и выражений в языке средств массовой информации и прессе наблюдалось параллельное употребление лексических единиц новых и старых вариантов, которые обозначали одни и те же понятия, в результате чего появились парадигматические ряды следующих разновидностей:

а) парадигматические ряды, состоящие из шести ФСЧ: тадж. *ъарида, фаслнома, моънома, маъалла журнал*; узб.

хабарнома, рўзнома, Ӣафтанома, Ӣафталик, Ӣафтавор газета;

б) парадигматические ряды, состоящие из пяти ФСЧ: тадж. *рўзнома, хабарнома, Ӣафтанома, Ӣафтавор газета;* узб. *жарида, ойнома, ойбитик, мажалла журнал;*

в) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *сардабир, муӢаррир, сармуӢаррир редактор;* узб. *таӢририят, муӢарририят, таӢрир ӢайӢати редакция; бурчак, ойна сўз, руكن рубрика; муштарий, газетхон;*

г) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *навид, ахбор, хабар новости;* узб. *матбаа, босма-хона полиграфия; очма хат, ойнахат откритка;*

д) парадигматическмкие ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *саӢифабанд брошуровщик; чоп печать; Ӣайати таӢририят редакционная коллегия и т.п.;* узб. *матбуот прес-са; тасвирчи оператор; калам Ӣаки гонорар; обуначи абонент; тузатма корректура; мушоӢадатчи публицист и т.п.*

В связи с этой проблематикой следует высказать своё мнение о характере употребления лексемы *Ӣарида* в значении *журнал*. *Ӣарида* является заимствованной из арабского языка лексемой со значениям *таӢьо одинокий; забардаст сильный, могучий; дафтари рўйхат книга описи; китоб книга; дафтари шеърий сборник стихотворений*(200, 774). Ни одно из перечисленных этих значений лексемы *жарида* в узбекском языке не совпадает со значением *журнал*. Поэтому мы считаем неправильным и неуместным употребление термина *Ӣарида* вместо *журнал*.

2.2.3. Б. Лексические единицы сферы техники

Структурно-парадигматические ряды функционально-семантических микросистем со значением технических понятий представляют:

а) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *лавқўбак* дробилка; *хаскашак*, *хаскашонак* грабли; *фишанг*, *фашанг* рычаг; *нақлиёт*, *воситаҳои техники* транспорт; узб. *пишанг*, *дастак* рычаг; *мил*, *соат* мили стрелка; *таъмир*, *созлаш* ремонт; *оъанрабо*, *микнотис* магнит; *музлатгич*, *музхона* морозилка; *ойна*, *кўзгу* экран и др.;

б) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *яхдон* холодильник; *баландгўяк* микрофон; *чангкашак* пылесос, *шабака* сеть; *обсофкунак* фильтр; *сармодон* морозилка и т.п.; узб. *темиртан* робот; *тез юрар* экспресс; *бурама мих шуруп*; *пўлат* из рельс; *катнов* рейс; *сўка* плуг.

В связи с лексическими единицами, относящимися к технике и техническим понятиям, следует высказать несколько слов о генезисе лексемы *вокзал*, которая появилась в XVIII веке. Некая англичанка Джейн Во на берегу реки Темзы разбила парк для своего отдыха. В парке был построен павильон под названием Воксхолл (зал госпожи Во). Подобные парки для отдыха появились и в других городах Европы, в частности, Париже, Мюнхене. В XIX веке слово *воксхолл* стало употребляться в значении «клуб на остановке железной дороги, где проводятся концерты». Такие клубы построены и в городах России. В городке Павлова возле Петербурга построен клуб под названием *вокзал*.

Позже лексемой *вокзал* стали называться все железнодорожные остановки, и данное значение закрепилось за ней как её реальное настоящее значение (53, 128).

В период начала XX – конца XXI веков лексема *вокзал* в таджикской литературной речи передавалась словом *саристгоъ*, а в узбекском языке *-шоъбека*. В настоящее время лексемой *шоъбека* называются все автотранспортные станции. В отношении железнодорожных станций употребляется название-словосочетание в таджикском

языке - это понятие сочетанием *саристгоњи роњи оъан*; в узб. *темир йўл шоъбекати* железнодородный вокзал. В устном народном творчестве есть поговорка: «Урожай земли зависит от погоды, употребительность слова – от народа». Слово *саристгоъ* в таджикском; а слово *шоъбекат* в узбекском литературном языке, стали широкоупотребительными за счёт ущемления его функционально-семантического эквивалента *вокзал*.

2.2.3. В. Лексические единицы сферы военно-оборонительной жизни и физической культуры

Новые слова, выражающие военные понятия, функционируют в составе парадигматических рядов, которые представлены следующим образом:

1) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *хиргоъ, чодир, хайма, шомиёна* палатка; узб. *кин, жилд, ғилоф* футляр; *чодир, ўтов, капа* палатка; *соқчи, каровул, посбон* часовой;

2) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *тўпандоз, тўпчи* артиллерист; *туфангча, таппонча* пистолет и т.д.; узб. *кузатувчи, соқчи* патруль; *тартибпосбон, милиса* милиционер; *милтик, бешотар* винтовка;

3) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *низомнома* устав; *рутба* звание; *лабъа, майдони лаънг фронт; ситод штаб; афсар* офицер и т.п.; узб. *дубуллон* шлем; *ньмомякалкон* щит; *кароргоъ штаб; жабъа фронт; фахрий ветеран; жанг фахрийси, жанг ветерани* ветеран войны; *коиданома* устав; *огоъсадо* тревога.

Слова и выражения с понятием физической культуры функционируют в составе парадигматических рядов следующих разновидностей:

а) парадигматические ряды, состоящие из четырех ФСЧ: тадж. *ресмон, таноб, банд канат*; узб. *пироварди, якун, натижа финал*;

б) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *машиқгоњ, варзишгоњ стадион; тарбияи љисмонї, тарбияи бадан физическое воспитание*; узб. *ўйингоњ, машиқгоњ стадион; бадантарбия, жисмоний тарбия физкультура*;

в) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *мушитзанї бокс; мушитзан боксёр; тим команда* и т.п.; узб. *марра финиш; меъёрлаш норматив; ўриндош дублёр; бадантарбия гимнастика; пойга гонка*.

Интересную эволюцию прошла лексема *атаман*. Она возникла на основе тюркского слова *ватаг-ватаман* в значении *юрта, палатка*. В данном значении слово *ватаг* употреблялось в древнечувашском языке. В узбекском языке в данном значении употребляется лексема *ўтов*, а в таджикском языке - *тўда, даста, издињом* и т.д.

От слова *ватаг* образовалась лексема *ваталик* со значением руководителя или начальника ватага *юрта, палатка*. Одно из значений слова *ватаман* – это значение *военно-начальник*, от чего появилась русская лексема *атаман* (61, 110-112). В таджикской литературной речи вместо лексемы *атаман* начала употребляться лексема *саркордон, сардор, сардори лашкар*, а в узбекском *кўрбоши*.

2.3.3. Г. Лексические единицы в сфере строительства

Лексические единицы терминологической системы строительных понятий в таджикском и узбекском языках характеризуются своей традиционностью и популярностью. Часть терминов сфер строительства и строительных работ сохранилась в разных говорах таджикского и узбекского языков. Отдельные слова и выражения строительных

понятий, которые в данное время употребляются в рассматриваемых языках, являются заимствованными из других языков, а также частично калькированными.

Терминологическая система и отдельные её лексические единицы представляются в парадигматических рядах следующим образом:

а) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *ньошия, канора, мағзӣ бордюр*; узб. *болохона, болохона айвони, айвон балкон*;

б) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *гилкор, андовачӣ итукатур; нишастан, шиштан усадка*; узб. *тўкмоқ, табба баба; устун асоси, бошмоқ башмак; бурғичи, бурғиловчи бурильщик* и т.п.;

в) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *масолењи сохтмон строительный материал; галь алебастр; болор балка*; узб. *кесаки косяк; тўсим балка; кигиз войлок; сув ўлчагич водомер; жумрак вентиль*.

2.2.3. Д. Лексические единицы наименований предметов быта и профессий

Слова и выражения, выражающие предметы быта, можно обнаружить в следующих парадигматических рядах:

а) парадигматические ряды, состоящие из пяти ФСЧ: тадж. *гўшмонак, гўшишунавак, гўшишунавон наушник* и т.д.; узб. *ёмғирпўш, соябон, шамсия, чатр зонтик*;

б) парадигматические ряды, состоящие из четырёх ФСЧ: тадж. *соябон, чатр, шамсия зонтик; сўзанак, сарсўзан, сўзантугма булавка*; узб. *ўк, меъвар, ўзак стержень; сочбоғ, сочпонуқ, понуқ бантик*;

в) парадигматические ряды, состоящие из трёх ФСЧ: тадж. *фурузонак, чароғак лампочка; танўр, оташдон печка; дандонъилол, дандонковак зубочистка* и т.п.; узб. *сурфа, суфра, кат кровать; оъор, нишоста, нишаста*

крахмал; мушак, карсилдоқ хлопушка; лампа, калпоқ абажур;

г) парадигматические ряды, состоящие из двух ФСЧ: тадж. *мушак хлопушка; хиргоњ палатка; гулдон ваза для цветов; хиитсов лопатка для формовки кирпича; фурузонак, чарогак лампочка; узб. сувқоғоз целлофан; симарқон трос.*

Система слов и выражений-профессионализмов составляет следующие парадигматические ряды: тадж. *муњандис инженер; харрот токарь; хаткашон почтальон; нонвой, хаббоз пекарь; узб. уста, моњир техник; дорухоначи, аптекачи аптекарь; харрот токарь; челонгар слесарь; хўжалик мудири завхоз.*

В лексике рассматриваемых языков встречаются наименования тканей, в большинстве своём заимствованные из других языков. Например, из русского языка и через него были заимствованы слова: *вельвет, велюр, гипюр, драп, поплин, сатин, трико, трикотаж, шифон, нейлон, лавсан* и др.; из арабского – *атлас, бязь*, из таджикского – *парча*.

История отдельных лексем интересна своим происхождением, т.к. они могут образоваться не совсем привычным словообразовательным способом, в частности, сокращением. Например, лексема *лавсан* – образована от первых двух (букв) компонентов сложного словосочетания «лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук».

2.2.3. Е. Ономастическая лексика

В период конца XX – начала XXI веков в изучаемых языках появились отдельные слова-дублеты, называющие географические понятия и носящие характер топонимов.

Названия с топонимическим содержанием встречаются в следующих парадигматических рядах: **Олмония, Германия; Амриќо, Амрико, Америка; Оврупо, Аврупо,**

Европа; Љопон//Жопон Япония; Молдова, Малдавия, Молдавия; Фаронса, Фарангистон, Фронса, Фаранг, Франсия; Кайсар Турон, Ўрта Осиё; Тотористон, Татаристон; Ёкутистон, Якутия; Тошканд, Тошкент; Денов, Деъинав Деънав; Саросиё, Сари Осиё, Сариосиё; Шаъритуз, Шаргуз, Шааргуз; Кубодиён, Кубадиён Кободиён; Панъакат // Панжакат, Панъакент // Панжакент; Хуъанд // Хужанд, Хўъанд // Хўжанд; Кандибодом, Конибодом; Спитамен, Нов; Истаравшан, Ўротеппа; Бобольон Ѓафуров // Бобожон Ѓафуров, Исписор; Љ.Расулов // Ж.Расулов, Пролетар; Турсунзода, Регар и др.

К названиям - гидронимам относятся: *Љайхун//Жайхун, Амударё; Сайхун, Сирдарё; Интил, Волга; Энасой, Енисей* и т.д.

Появление некоторых географических названий тесно связано с отдельными историческими событиями и деятельностью исторических лиц. Например, сегодняшний *Волгоград* раньше назывался *Царицыном*. *Царицын* относится к тюркским языкам и является сокращённым вариантом словосочетания *Сари* (ц) *су* (г) *желтая вода*.

Такой же характер носят происхождения топонимов *Саратов* (от тюркс. *Сари тов* // *Сариғ тоғ желтая гора*); *Астрахань* (< *Аштархон*); *Фаргона* (<*пари хона*); *Шаъритуз* (<*Шаъри тус* «город родных братьев, родных сестёр») и др.

При появлении некоторых географических названий важную роль играют некие исторические события и явления. В Самарканде имеется квартал (махалла) под названием *Тезгузар*, что связано с событиями, имеющими отношение к великому таджикско-персидскому поэту Бедилю. Однажды Бедил, прогуливаясь по одной из благоустроенных улиц Самарканда, является свидетелем развлечения, устроившего в прекрасном саду десятью девушками та-

джикской национальности. Бедилю захотелось посмотреть на них из-за частично обрушившегося дувала. Но его самого и заметили веселящиеся девушки. Одна из них подошла поближе к Бедилю и спросила:

- *Ба ту чӣ даркор?* (Что тебе нужно?).

Поэт ответил:

- *Ман ошиқи бекарор* (Я безумно влюблен в вас).

Девушка:

- *Коса барин зар биёр* (Принеси чашку золота).

Поэт:

- *Ман фақири раъгузар* (Я просто бедный прохожий).

Девушка:

- *Гапа кам кун, тез гузар* (Меньше говори - быстро проходи).

С этого момента данный квартал (махалла) города Самарканда носит название *Тезгузар**.

Как свидетельствуют приведённые примеры, тематические группы слов и выражений, выражающих ономастические понятия, которые появились в таджикской и узбекской литературной речи в период начала XX и конца XXI веков, являются весьма разнообразными и многочисленными. Необходимо отметить, что, возможно, некоторые из них остались вне поля зрения и не были упомянуты в работе. Мы считаем, что приведённые примеры являются достаточно убедительными для подтверждения тех языковых фактов, о которых шла речь в данном исследовании.

* Эти сведения получены от ветерана труда **Солиджона Мухаммаджонова**, который записал их на лекции преподавателя арабского языка **Ализода** во время учёбы, 1937 году в Самаркандском государственном университете.

РАЗДЕЛ III. ОТНОШЕНИЕ НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ ТАДЖИКСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКАХ

Норма литературного языка по праву считается одной из наиболее сложных понятий науки о языке. Сложность понятия нормы литературного языка определяется, прежде всего, её многогранностью и многоаспектностью. Характер целостности, которая заключается в системном строении языка и его самостоятельных отраслей, наблюдается и в совокупном, целостном характере нормы литературного языка в целом, включая все его подсистемы. Можно отнести к понятию нормы литературного языка с точки зрения понятия системности, поскольку она представляет собой своеобразную систему, чем и определяется её существенная специфика.

Как говорилось выше, язык тесно связан с политической, экономической, культурно-просветительной и идеологической жизнью общества. Субъект, который является членом определённого общества, должен согласовываться с определённой нормой языка и подчиняться её объективным закономерностям. Выбор языкового материала и целесообразность использования его в коммуникативном процессе носит традиционно-исторический характер, что должно быть характерным и для литературной нормы языка.

Ф.П.Филин вполне прав и справедлив в том, что «вопрос о языковой норме также стар, как и сам язык. Главное назначение языка – быть средством общения, хранения и передачи накапливающихся знаний ... - предопределять его общественную природу, тем самым обязательность его норм для членов данного языкового коллектива» (203, 179).

Понятие нормы, как уже указывалось выше, теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент её развития. Норма – это пра-

вильность, логичность, предпочитаемость употребления языковых единиц, начиная от фонемы и кончая текстом.

Однако следует отметить, что языковая система в силу того, что она является продуктом длительного и сложного исторического развития, всегда представляет собой «историю в снятом виде». Её непрерывное изменение, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов и т.п. приводит к накоплению сосуществующих однозначных явлений, становящихся как бы «избыточными» и приходящих в противоречие друг с другом. Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств обозначения «одного и того же». Конечно, это положение применимо к отбору вариантных средств теми, кто владеет данной языковой системой. Для тех, кто только овладевает неродным языком, эта проблема становится актуальной и тогда, когда для обозначения чего-либо в языке существует только единственный способ (203, 181).

Норма – категория историческая; будучи в известной мере устойчивой, стабильной, что является основой её функционирования, норма вместе с тем подвержена изменениям, что вытекает из природы языка как явления социального, находящегося в постоянном развитии вместе с творцом и носителем языка – обществом. Известная подвижность языковой нормы иногда приводит к тому, что для одного и того же языкового явления имеется в определённом временном отрезке не один-единственный регламентированный способ выражения, а больше прежняя норма ещё не утрачена, но наряду с ней возникает уже новая (161, 12).

Функционирование литературного языка определяется его нормой, которая является результатом многолетних традиций. Л.В.Щерба вполне прав в том, что основная сущность всех литературных языков зависит от их традиционности и неизбежности (234, 126).

Одной из особенностей литературного языка является его управляемость, под влиянием которой появляется национальная литература. В обеспечении усвоения устной и письменной формы литературного языка важную роль играет школа, где строго соблюдается норма литературного языка и литературной речи.

С.И.Ожегов справедливо отмечает, что норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов (143, 259-260).

О характере нормы Б.Н.Головин пишет, что «норма - явление сугубо историческое не только потому, что она исторически подвижна, но и потому что она формируется лишь на определённом этапе развития языка, и определённых исторических условиях (47, 18-12).

В книге «Общее языкознание», авторами которой являются Ф.М.Берёзин и Б.Н.Головин, отмечается, что «норма литературного языка, действительно, связана с устойчивостью, но не в процессе развития, а в процессе функционирования языковых единиц речи». Далее в ней даётся следующее определение нормы литературного языка: норма литературного языка ... «это стабильность формы языковых единиц в процессе их функционирования, опирающаяся на авторитет образцовой литературы, науки и государства» (25, 55-56).

Таким образом, под понятием «норма» понимается выбор нужных и подходящих языковых единиц, которые утверждены как наиболее приемлемые для всех членов носителей языка. Норма тесно связана с понятием литератур-

ного языка. Литературный язык характеризуется как язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме (235, 155).

В.А.Ицкович пишет о том, что норма характерна для всех функциональных форм языка (82, 125). Общепонятный язык, кроме литературного, состоит из различных диалектизмов, жаргонов, окказионализмов, которые неодинаково понятны носителям языка, однако, их употребление считается нормой там, где они функционируют. Так, например, слово *таракан* – общетюркское (ср. <*сару/ён, тари/ён*>), со значением *дармод, туняедец, паразит* заимствованно русским языком. В узбекском языке значение «таракан» передаётся разными лексическими диалектными вариантами: в Кокандском говоре узбекского языка встречается в форме *суварак*, в некоторых узбекских говорах Северного Таджикистана *ашуварак*, а в южных регионах - *нонхўрак*.

Поддерживая точку зрения упомянутых языковедов, в норме таджикского и узбекского литературных языков мы выделили две группы: 1) общеязыковая или общая норма; 2) собственная норма языка.

Общеязыковая норма – это совокупность норм, которые функционируют во всех сферах таджикского и узбекского языков.

Собственная норма – это определённая, конкретная функциональная разновидность общей нормы. Собственная норма таджикского и узбекского языков многообразна, что позволяет определить 4 её функциональные разновидности:

- 1) норма таджикского и узбекского литературных языков;
- 2) норма отдельных таджикских и узбекских говоров и диалектов (диалектная норма);

- 3) норма таджикской и узбекской разговорной речи;
- 4) норма социальных слоёв таджикского и узбекского языка (норма социальных диалектов, норма социального арго, норма жаргонизмов, норма профессиональной речи, норма характерной для других разновидностей арго) (15, 19).

Стремление к нормализации языковых единиц – один из своеобразных принципов литературного языка, что является регулярно функционирующим процессом. П.И.Скворцов отмечает, что норма не разрабатывается какой-нибудь наукой, она существует объективно. Однако наука способствует развитию и усовершенствованию нормы, что является вопросом, связанным с нормой другого характера (173, 39).

Для нормы свойственен характер изменчивости, т.е. она динамична. Основным фактором, вызывающим изменения литературной нормы, которые возникают в литературном языке, является речь. Формирование нормы происходит не сразу, оно проходит длительный период. Для «нормализации» отдельных языковых явлений требуется определённый срез времени. Лингвистические данные 20-30-х годов прошлого столетия свидетельствуют о том, что многие слова, которые тогда употреблялись в речи и не смогли сохранить своё дальнейшее функционирование, не отвечали литературной норме того времени. На страницах периодической печати 20-30-х годов XX века встречались такие слова и выражения, как *оташароба паровоз*; *хат ёзадиган машина пишущая машина*; *жаъаннам машинаси мина*; *гапиратурған машина телефон*; *насос машинаси насос* и др., функционирование которых в узбекском языке длилось короткий срок. Схожие факты употребления таких лексических единиц встречались и в таджикском языке, в котором в 30-е годы XX века некоторое время использовалось слово *шайтонароба* в значении *велосипед*.

В 30-е годы прошлого века до появления понятия и соответственно лексемы *колхоз* в таджикском и узбекском языках в широком употреблении было слово *артель*. *Артель* представляет собой слово тюркского происхождения. Истинное морфемно-словообразовательное его строение представлялось как *арт* (<*орт*. «за», *орка*) и *-ель* (<*эл* «народ») (221, 6). Сложное слово *артэль//орт эл* постепенно приняло более упрощенную форму *артель*, в которой она и закреплена в русском языке. Язык, как основное коммуникативное орудие общества, в процессе превращения его отдельных единиц в норму иногда сталкивается с различными течениями пуристического характера. Такие пуристические явления в определённой мере могут повлиять на развитие языка, иногда замедляя его, а иногда вызывая даже временное прекращение функционирования и дальнейшее усовершенствование нормы отдельных языковых явлений.

Отсюда возникают вопросы, правильные ответы на которых помогут определить точный характер понятия нормы. Так, природа нормы естественна или нет? Является ли норма правилом, которым определяется социальный характер языка или она функционирует для определения отдельных субъективных случаев, связанных с речевой практикой?

Наблюдаются случаи, когда функционирование отдельных языковых средств является приемлемым для носителей языка, но при этом они не могут быть нормой. Однако эти явления находятся за пределами зоны нормы литературного языка. Так, например, нет необходимости в таджикском и узбекском языках в употреблении мягкого знака *ь*, посредством которого в русском языке различаются мягкие согласные фонемы от твердых их вариантов. В таджикском и узбекском литературном языках отсутствуют варианты твёрдости-мягкости согласных фонем.

В русском языке твёрдыми и мягкими вариантами сог-

ласных фонем различаются значения слов (*мель-мел, даль - дал*), что не свойственно вариантам согласных фонем, которые характеризуются общей для них перцепцией. В таджикском и узбекском языке **ь** не произносится. Однако функционирование **ь** в таджикском и узбекском литературном языке долгие годы являлось орфографической нормой, которая была узаконена «Орфографическими правилами» 1956 года. Все эти факты служат подтверждением того, что в отдельных случаях литературная норма зависит от состояния общественной жизни народа.

Рассматривая характер литературной нормы, Т.П.Ломтев отмечал: «В основе нормы речи лежит этический принцип. Сам факт различия того, что находится в пределах нормы, является правильным, и того, что выходит за пределы нормы является неправильным, представляет собой мнение общества о допустимом и недопустимом. Этический принцип позволяет отделить то, что одобряется и охраняется обществом, от того, что осуждает и против чего борется общество ... Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу» (106, 54-55). Мысль подобного содержания выражена и Д.Н.Шмелевым. Он утверждает, что норма – не есть изменяемое. Изменение нормы не происходит стихийно, оно не проникает в язык и за пределы языка (228, 40).

Все это сказанное свидетельствует, что к языку и его явлениям нужно относиться сознательно. Академик А.А.Шахматов утверждает, что активный процесс в языке создаётся отдельными индивидами, в котором учитываются их таланты, знания, уровень мировоззрения, культура (224, 107).

Нельзя не согласиться с мнением Г.Пауля о том, что норма языка и её закономерности не определяются со стороны «общества, которое занимается закономерностями языка», а определяются отдельными лицами, которые в должной мере овладевают закономерностями языка.

Следует особо отметить, что необходимо учитывать роль влияния внешних неязыковых факторов на развитие и усовершенствование внутреннего строения языка и самого языка, что является объективной причиной развития языка.

Объективный характер литературной нормы языка объясняется причинами и фактами различного рода. Так, например, дооктябрьский период таджикского и узбекского языков характеризуется появлением в их лексическом составе большим количеством заимствованных из других языков лексических единиц, часть из которых функционирует в таджикском и узбекском языках и в настоящее время. Однако в ходе функционирования этих лексических единиц возникали препятствия различного характера. На страницах периодической прессы того времени «Туркистон вилояти газетаси» встречаются лексемы типа *релс* (< *рельс*), *термометр*, которые употребляются и в данное время: *Мазкур йолни ишлайдурган адамлар савук ва карға карамай релс намлик темир асбабни оз жайиға койуб борадурлар* (1904, 2); *Њаванинг иссиқлиғи термометр деган алағида асбаб бирлан олчанадур* (1887, 20).

Как известно, норма литературного языка постоянно совершенствуется благодаря результатам, полученным в ходе исследования языка и стиля произведений ведущих мастеров слова. Однако следует различать друг от друга понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы». Встречаются случаи, когда при написании художественных произведений нарушаются некоторые принципы нормы литературного языка, что считается и «нормой нормы литературной художественной речи». Л.Н.Толстой отмечает, что ему нравится неправильность, потому что на основе неправильности и появляется особенность нового и характерного.

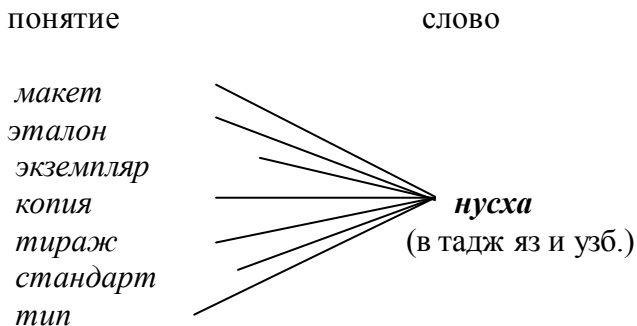
Наличие норм, которые базируются на основе определённых закономерностей, является одним из первостепен-

ных признаков существования литературного языка. Нормой определяется характер целесообразного употребления языковых средств в разных функциональных сферах литературной речи. Иногда причину речевых ошибок ищут в разговорном языке или в полноценных литературных произведениях. Язык художественных произведений является продукцией художественного мастерства и таланта их авторов, а также в них представлены образцы «искусства слов». Л.В.Щерба сказал, что все хотят красиво высказаться, но они не знают того, что откуда берутся нормы этих красивых речей. Для приобретения соответствующих, подходящих норм нужно много изучать произведения классиков (234, 127).

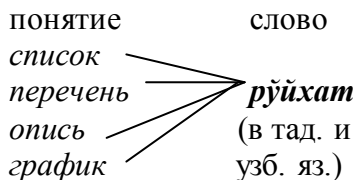
Соблюдение норм литературного языка позволяет системно и точно изложить мысль, поэтому норма литературного языка определяется отдельными мыслителями, ведущими представителями интеллектуальной элиты общества. Тем не менее, к сожалению, в последнее время наблюдается некоторый спад в использовании и соблюдении литературных норм узбекского и таджикского языков. Существуют факты, когда одно и то же понятие передаётся посредством двух или более слов, а также, наоборот, различные понятия выражаются одними и теми же словами. В доказательство приведём следующие примеры из таджикского языка и их соответствия - из узбекского.

- 1) разные понятия выражаются одними и теми же словами: понятие «образец», «значение»

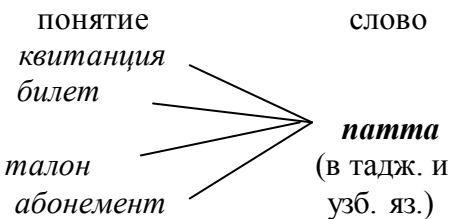
Сх.№ 11

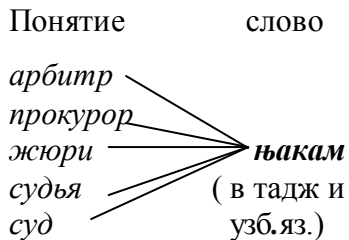
Сх.№12

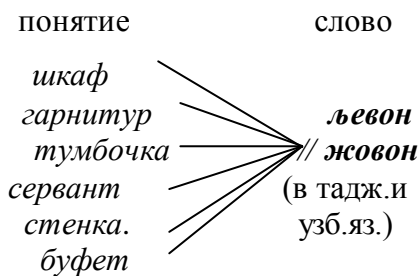
Сх.№13

Сх.№14

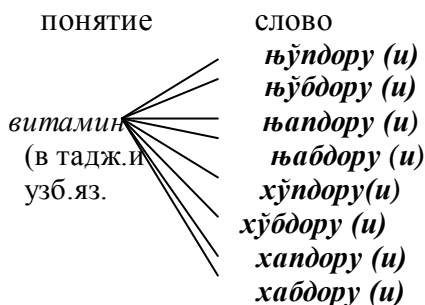

Сх.№15

2) одно и то же понятие выражается разными названиями-словами:

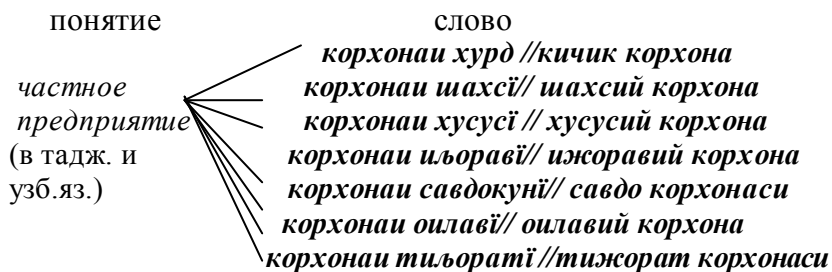
Сх.№16

Сх.№17

Сх.№18

Как известно, синонимия считается положительным явлением в языке, т.к. она способствует лексическому обогащению и выразительности языка. Однако наличие и функ-

ционирование синонимических единиц, их взаимоотношение в терминологической системе – явление нежелательное. Наличие и функционирование синонимии в терминологической системе характеризуется избыточностью в словарном составе и является признаком обеднения языка, в то время как для терминологических систем языка характерны, в первую очередь, явления лингвистической экономии, а не избыточность. Одновременное использование синонимов в терминологи-ческой системе зачастую приводит к появлению плеоназма лексического аспекта, который завершается выбором одного из претендующих вариантов и отказом другого из них. В.П.Даниленко о характере наличия в языке однозначных лексических единиц пишет, что «значительный процент терминов слова – заимствования из других языков. Эти термины приходят в национальную терминологию как готовые языковые единицы вместе с понятиями и реалиями, наименованиями которых они являются.

Заимствование из других языков – естественный процесс, характеризующий каждый развитый национальный литературный язык и язык науки. Но в этом естественном процессе прослеживаются своеобразные волны, разной высоты и разного направления (57, 29).

В литературной таджикской и узбекской речи конца XX – начала XXI веков выявлены языковые случаи, когда в одном микроконтексте, в одном словосочетании употреблены слова-дублиеты для передачи одного и того же значения. Например, узб. *информатсион ахбор, хабар информация; интервал оралиғи, оралиғ интервал; сатирик карикатура карикатура* и др., которые в таджикском языке передаются тоже избыточностью: *эльодиёти даъониини халқ, эльодиёти шифоъиини халқ, эльодиёти халқӣ, адабиёти шифоъиини халқ фольклор*.

Наблюдаются факты, в которых контактно употреблены два слова, одно из них характеризуется как заимство-

ванное, другое – как слово родного языка, где не учтены интернациональное значение заимствованных слов. Например, в тадж. *хольагии деъконӣ, хольагии фермерӣ фермерское хозяйство; маънои семантикӣ семантическое значение; ибораҳои фразеологӣ фразеологизмы; узб. барқарор бирикма, турғун бирикма фразеологизм; семантик маъно семантическое значение; тавтологик такрор, такрор тавтология*. В приведённых примерах заимствованные слова выступают в качестве определения, а слова родного языка – определяемого. Плеонастическое употребление двух слов, у которых общее значение, осуществлено под влиянием закона «аналогии».

Существуют однозначные лингвистические термины, контактное употребление которых отрицается нормой языка: *сема маъно; семантика мазмун*. Их контактное употребление считается правильным, если они входят в состав словосочетаний, в которых в качестве другого их компонента употреблено слово *маънои калима*. Встречается синтаксическая модель, словосочетания типа *маънои луғавӣ, маънои лексема лексическое значение; маънои грамматикӣ грамматическое значение; маънои услубӣ стилистическое значение* и т.д., что являются её речевой реализацией.

В тех случаях, когда два слова разного генетического происхождения с общими (однозначными) значениями контактно употребляются в составе словосочетаний, не учитывается внутренняя форма этих эквивалентов, в результате чего в речи возникает неоправданное употребление слов и терминов вышеприведённого характера.

Наличие в языке дублетных лексических единств и терминологических средств, как сказано выше, нельзя считать явлением положительным. В системе таджикской и узбекской терминологии много таких языковых единств. Одно и то же понятие таджикского и узбекского синтаксиса называется посредством нескольких составных терминов. Ср.: тадж.

љумлањои эмоциониалї, љумлањои эњсосї эмоциональные предложения; *љумлањои ғайриэмотсионалї, љумлањои ғайриэњсосї* неэмоциональные предложения и др.; узб. *шахси ноаниќ гап, шахси номаълум гап* неопределённое личное предложение; *эгаси топилмас гап, шахси топилмас гап, шахссиз гап* безличное предложение.

Л.Л.Куниной утверждается наличие синонимических средств в терминологической системе языка. Но, однако, как она подчёркивает, синонимия в терминологической системе нужна тогда, когда наука и её терминологическая система находятся на начальной стадии своих формирований (98, 194).

Наличие синонимии в терминологической системе языка и положительность их функционирования в начальной стадии формирования науки и металингвистической её системы подтверждается и со стороны В.П.Даниленко, который сумел определить три оттенка их функционирования:

- 1) в условиях выражения одного общего понятия посредством заимствований из разных языков;
- 2) при равноправном употреблении слова родного языка и слов иноязычного характера;
- 3) при образовании новых слов, которые выражают значение заимствованного из других языков (57, 73).

Эти три разновидности дублетных употреблений характерны для всех терминологических систем. Следует отметить, что перечисленные выше разновидности могут продолжать своё функционирование в терминологических системах языка и в дальнейшем.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к общему выводу о том, что система терминологических единиц составляет своеобразный пласт словарного состава, в котором каждая единица обладает свойством и слова и термина. Между словами и терминами нет различий, напоминающих «китайскую стену». Термин – тоже слово, но отличие его от обыкновенного слова заключается в том, что

значение термина обозначает только одно понятие. Синонимичность, полисемантичесность, полуфункциональность не характерны для терминов. Они могут быть омонимичны. Омонимичность терминов наблюдается в том случае, если одна и та же лексическая единица (т.е. термин) функционирует в качестве названия понятий двух наук: *морфология* – термин понятий и лингвистической, и биологической наук. Так же лексема *корень* употребляется и в ботанике, и в языкознании. Факты такого характера – объект отдельных, самостоятельных исследований.

Выше шла речь о том, что посредством одного и того же слова выражались значения разных понятий, а также наоборот, значение одного им того же понятия передавалось посредством нескольких слов.

Следует учесть, что мы не ставили своей целью изучение терминологической системы таджикского и узбекского языков конца XX – начала XXI веков, а исследовали речевое употребление новых слов и выражений, которые начали употребляться в литературной таджикской и узбекской речи того времени.

Проведенное исследование позволяет сделать заключение, что в период конца XX - начала XXI веков языковое общество характеризуется наличием своеобразной языковой ситуацией, которая отличается от других языковых ситуаций других времён. Под понятием «языковое общество» понимается конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе развития» (7, 9). Языковое общество по В.А.Аврорину состоит из трёх социальных моментов: 1) социальные условия функционирования языка; 2) сфера и среда употребления языка; 3) формы существования языка. Все эти моменты в определенной степени повлияли на функционирование и отдельные функцио-

нальные сферы таджикской и узбекской литературной речи конца XX и начала XXI веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Любые происходящие изменения в литературной речи, в основном, в лексике языка, носят характер общенародности, что является одним из экстралингвистических факторов развития и усовершенствования языка.

2. Существуют два диалектически взаимосвязанных друг с другом понятия – понятие о языке и понятие о речи. Характер взаимозависимости и взаимообусловленности языка и речи определяется состоянием и функционированием языка в общественной жизни его носителями.

3. Литературный язык – одна из основных функциональных разновидностей общенародного языка, который является не только основным коммуникативным средством общества, но и одной из основных форм его индивидуально-творческой деятельности.

4. Первоначальное функционирование языкового изменения любого характера осуществляется прежде всего в распространении парадигматических и синтагматических окружений языковых единиц, чем определяется системный характер языка в целом и его уровней в частности. Приобретение характера единицы речи осуществляется только через парадигматические и синтагматические отношения. Парадигматические отношения особенно ярко проявляются в микросистемах, связанных между собой межпарадигматическими отношениями.

5. Между единицами языка и единицами речи существует регулярное взаимоотношение, хотя они различаются друг от друга в отношении индивидуальности (речь) и коллективности (язык). Единицы языка необходимы для реализации единиц речи, как это наблюдается в необходимости языка, чтобы функционировала речь.

Различие языка и речи, а также между их единицами является и необходимым, и в то же время несколько условным.

Условность в данном случае заключается в том, что язык и речь неотделимы друг от друга. «Очевидно – пишет Л.В.Щерба, - что языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты речевой деятельности» (234, 347). Но различие языка и речи вместе с тем необходимо, так как оно позволяет лучше понять некоторые важные явления в истории развития отдельных языков. В качестве примера можно сослаться на лексические неологизмы. Все новое рождается в языковом процессе. Так называемые окказиональные или потенциальные слова, создаваемые народом или писателями, также являются достоянием речи. Только длительный социальный отбор превращает эти новообразования (и далеко не все) в часть языкового стандарта.

6. Все новое в языке возникает индивидуально в речи отдельных субъектов. Так что можно утверждать, что речь похожа на лабораторию, в которой языковой материал вырабатывается, отбирается нужное, после чего он переходит в систему языка, приобретая характер общенародности. Все эти процессы тесно связаны с общественной жизнью носителей языка и являются внеязыковыми, экстралингвистическими факторами состояния и функционирования языка, к которым относятся следующее:

1) макросоциальные факторы (присоединение Средней Азии к России, Октябрьская революция, Великая Отечественная Война, распад СССР, формирование независимых суверенных республик, которые были в составе СССР; приобретение независимости Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан; приобретение статуса государственных языков: таджикский язык - в Таджикистане, узбекский язык – в Узбекистане);

2) микросоциальные факторы (изменения в социально-политической, культурно-просветительской, экономической жизни народов; изменения в области печати и средствах массовой информации; новая форма братства и со-

дружества; изменения в сферах военно-оборонной деятельности; повседневной, традиционно-исторической, духовно-идеологической жизни общества и др.).

7. Кроме этих, любое изменение в языке характеризуется объективными и субъективными факторами (естественные и умышленные; непосредственные, посредственные; исторические и традиционные; позитивные и негативные; влияние среды и т.д.).

8. Возникновение и функционирование новых словарных единиц в таджикской и узбекской литературной речи конца XX и начала XXI веков тесно связано с экстралингвистическими факторами, которые непосредственно взаимосвязаны с разными областями и сферами общественной жизни таджикского и узбекского народов. Сферы функционирования этих словарных единиц представлены в следующем:

1) лексические единицы сферы общественно-политической жизни; сферы идеологии, сферы экономики, сферы культурно-просветительской жизни, сферы делопроизводства, государственной документации;

2) лексические единицы сферы науки и её отраслей (юриспруденции, психологии, языкознания, литературоведения, искусствоведения, медицины, анатомии, географии и астрономии) и т.п.;

3) лексические единицы разных отраслей (печати и средств массовой информации, технической, военно-оборонной и физкультуры, строительства, наименований предметов быта и профессий, ономастическая лексика).

9. Характер и функционирование литературного языка определяется и регулируется нормой. Существование и функционирование нормы нестабильно, она изменчива, что объясняется её тесной связью с развитием и усовершенствованием литературного языка. Изменчивость литературной нормы зависит от характера речи. Существование и функционирование литературной речи определяются

речью. Наблюдаются случаи, когда при существовании отдельных языковых единиц возникают противоречия и препятствия, основной причиной которых являются:

1) несоответствие в отношениях между литературной и живой разговорной речью;

2) несоответствие между отношениями письменных и устных форм лексических единиц;

3) несоответствие между функциональными разновидностями слов письменной и устной речи;

4) несоответствие между заимствованными или вновь восстановленными словами и прежними функционально-семантическими их эквивалентами;

5) приобретение новых значений слов, заимствованных из других языков (типа лексем *девон, артель*);

6) асимметрия, возникающая между планом выражения и планом содержания лексических единиц, согласно которой одно и то же значение передаётся несколькими словами или несколько значений передаются посредством одной лексемы.

Встречаются случаи, когда одно и то же понятие в одном микротексте повторяется несколько раз, чем приводит к возникновению избыточности, в результате чего речь становится ущербной, не отвечающей принципам и требованиям норм литературного языка. Ущербная речь - явление отрицательное для участников коммуникативного акта (процесса). Ущербная речь возникает тогда, если в ней употреблена неподходящая лексема, которая имеет характер или заимствования, или деривата, образованного искусственно, т.е. не отвечающего принципам естественного способа словообразования.

По нашему мнению, образование новых слов, восстановление их старых вариантов, а также слов-заимствований, несомненно, обогащает лексику языка, но их употребление в литературной речи представляет собой сложный процесс. Их овладение прочным статусом в языке как

его собственных средств определяется нормой литературного языка, в основе которой лежит ряд факторов экстралингвистического, внеязыкового характера.

Изучение экстралингвистических факторов появления новых средств является приоритетной проблемой социолингвистики, одного из быстро развивающегося направления современного языкознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. –Л.: Наука, Ленинград.отд-ние, 1973. -448 с.
2. Абдукодиров А. Забон ва услуби Мирзо Турсунзода. – Душанбе: Дониш, 1978. - 124 с.
3. Абдуллаев Ф. Тил қандай ривожланади? – Тошкент: Фан, 1972. - 68 б.
4. Абдуназаров А. Некоторые вопросы развития лексики и фразеологии узбекского литературного языка 20-х годов. /Автореф. дис... канд. филол. наук. – Ташкент, 1968. - 23 с.
5. Абдураимова Ш.К. Сўз ўзлаштириш назарияси ва ўзлашмаларни вақтли матбуот тилида тадрижий ўзгариб бориши. /Филология фанлари номзади илм. даража. олиш учун тақд. этил. дис. автореферати, - Тошкент, 1995. - 24 б.
6. Абдурахмонов Ғ. Миллий тилларнинг тараққиёти масаласи. – Тошкент, 1962. – 60 б.
7. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.:Наука, 1975.- 276 с.
8. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. /Аспекты семантических исследований. – М.: Наука,1980.-150с.
9. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нации. –М.:Наука,1973. -248 с.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Наука, 1955. - 445 с.
11. Баскаков А.Н. Социальные факторы в их воздействии на лексико-семантическую систему языка. /Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1988.- С. 110-124.

12. Бафоев Б. Навоий асарлари тилида сўз варианты ва адабий норма. / Ўзбек тили ва адабиёти, 1988.- I-сон. -30-36 б.
13. Бафоев Б. Кўхна сўзлар тарихи. – Тошкент: Фан, 1991. - 80 б.
14. Бахнарь В.И. и др. Роль языка в идеологической борьбе. /Реферативный журнал, 1987.- №2. - С. 69-71.
15. Бегматов Э.А. ва бошқалар. Адабий норма ва нутқ маданияти. – Тошкент: Фан, 1983. - 300 б.
16. Бегматов Э.А. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари. – Тошкент: Фан, 1985. - 199 б.
17. Белкин В.М. Арабская лексикология. – М.: Из-во МГУ, 1975. – 400 с.
18. Белодед И.К. Развитие языков социалистических наций СССР. – Киев: Наука и Думка, 1969. - 206 с.
19. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев, Штиинца, 1973. – 372 с.
20. Бердиалиев А. Адабий нутқдаги ўзгаришлар ва унинг тил парадигматик системасига таъсири. / Ўзбек нутқи маданиятининг долзарб муаммолари. Илмий мақолалар тўплами. – Тошкент, 1990. - 12-15 б.
21. Бердиалиев А., Саидниёзов А. Навоий насрий асарлари тилида синтактик-семантик номутаносибликнинг бир кўриниши ҳақида. / Ўзбек тили тараққиёти муаммолари. /Илмий асарлар тўплами. -I китоб. - Тошкент, 1992.- 76-81-б.
22. Бердиалиев А. Сўз ва атамалар ҳосил қилишнинг баъзи назарий масалаларига доир. /Давлат тили ҳақидаги қонунни амалга оширишнинг долзарб муаммолари мавзудаги республика илмий-амалий конференцияси тезислари. Навоий, 1993. - 23-25 б.
23. Бердиалиев А. Нутқнинг баъзи коммуникатив-психологик асослари. / Нутқ маданияти масалалари. – Тошкент, 1993. - 5-8 б.

24. Бердиева Т. Тенденции развития лексики таджикского языка советского периода. - Душанбе, 1982. - 240 с.
25. Берёзин Ф.М. История лингвистических учений. /Учебник для филол. спец. вузов, 2-е изд., испр. и до пол. – М.: Высшая школа, 1984. - 319 с.
26. Биржакова Е.Э. и др. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. /Языковые контакты и заимствования. – Л.: Наука, 1972. - 430 с.
27. Блумфилд. Язык. /Пер. с англ. Е.С.Кубряковой и В.Г.Мурам. -М.: Прогресс, 1968. - 608 с.
28. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию/ АН СССР.- Т. I., - М.: 1963. - 384 с.
29. Боровков А.К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопросы взаимовлияния таджикского-узбекского языков/ Уч. записи, ИВ АН СССР т.IV.- М., 1951.- 120 с.
30. Брагина А.А. Синонимический ряд: Словосочетание – слово. – «Новые слова и словари новых слов». – Л., 1978. – 94 с.
31. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? – М.: Наука, 1977. - 264 с.
32. Буревич В.В. Существует ли факультативная валентность? /Филол. науки, 1992.- №1.- С. 77-79.
33. Вардуль И.Ф. Об изучении семантического аспекта языка. /Вопросы языкознания, 1973.- №6.- С. 9-21.
34. Вахобов Т. Функциональный аспект развития таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1989. - 184 с.
35. Ваххобов Т. Бозсозӣ ва статуси забони тольикӣ/ Маданияти сухан.- Душанбе: 1990. -С.284-294.
36. Ваххобов Т. Чанбаҳои сотсиоллингвистии рушди забони тоҷикӣ адабӣ (солҳои 20-30 асри ХХ). Китоб 1.- Баҳс дар атрофи забони тоҷикӣ адабӣ дар солҳои 20-30.- Хучанд: Нури маърифат, 2005. -216.

37. Ваххобов Т. Чанбаҳои сотиолингвистикии рушди забони тоҷикии адабӣ (солҳои 20-30 асри XX). Китоб 2, Масоили ислоҳоти алифбо дар солҳои 20-30 дар Тоҷикистон. - Хуҷанд: Нури маърифат, 2006. - 128 с.
38. Верещагин Е.М. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. – М., 1969. – 220 с.
39. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания. /Вопросы языкознания, 1964.- №3.- С. 3-18.
40. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. - 386 с.
41. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1988. - 200 с.
42. Гак В.Г. Беседы о французском слове. – М.: Международное отношение, 1966. - 335 с.
43. Гак В.Г. Проблемы соотношения языка и действительность. /Вопросы языкознания. 1972.- №5.- С. 10-11.
44. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. – М., 1974. - 184 с.
45. Головин Б.Н. Основы культуры речи. - М.: Высшая школа. 1980.-С. 18-19.
46. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма на материале современного русского языка. – Л.: Наука, Ленинград. Отделение, 1978. – 28 с.
47. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978. - 239 с.
48. Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия. / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. - 13 с.
49. Городенская Е.Г. Язык как один из факторов формирования материалистического мировоззрения. /Реферативный журнал, 1987. -№6. -С. 88-89.

50. Грязнов А.Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витченштейнства. – М: МГУ, 1991. - 139 с.
51. Григорян В. М. Материалы к словарю синонимов. – Ереван, Изд – во Ереванского ун-та, 1958. – 284 с.
52. Гулямова Н.Г. Русские заимствования в узбекском языке. – Ташкент: Фан, 1985.- 112 с.
53. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. -397с.
54. Ғаффоров Р.Вахдати миллат ва такомули забон. –Садои Шарқ, 1974. -№12.-С.129-143.
55. Ғаффоров Р.Нависанда ва забон.-Душанбе:Ирфон, 1977.-206 с.
56. Ғуломов А.Ғ. Сўзлар ҳаётидан. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1969. -6-сон. -12-13 б.
57. Даниленко В. П. Русская терминология. – М.: Наука, 1977.- 246 с.
58. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
59. Дешериев Ю.Д. Основные особенности осуществления языковой политики в период совершенствования социализма./Реферативный журнал, 1988. - №1.- С. 66-67.
60. Дешериева Т.И.Субъективно-объективные отношения в разноструктурных языках. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
61. Добродомов И.Г. Атаман и гетман. /Русская речь, 1972.-№5.- С. 110-112.
62. Дониёров Р. Ўзбек тилининг илмий-техникавий терминлари тарихидан. – Тошкент: Фан, 1973. - 115 б.
63. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семантики. – М., 1973. - 225 с.
64. Дудников А.В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1990. - 424 с.
65. Чўраев Ғ. Калимаи хоси шева ва баъзе аломатҳои фарққунандаи он./ Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1976. -С.123-139.

66. Чўраев Ғ., Фатхуллоев С. Луғати калима ва истилоҳоти нав. – Душанбе: Ирфон, 2003. - 190 с.
67. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Лексикология. Фонетика. Морфология. – ҷ. 1. - Душанбе: Ирфон, 1973. - С. 17-87.
68. Забон ва истиқлол. Маҷмӯаи мақолаҳо. – Душанбе, 2001. - 140 с.
69. Забон ва ҷомеа. Маҷмӯаи мақолаҳо. – Душанбе, 2006. - 166 с.
70. Закон Таджикской Советской Социалистической Республики о языке. – Душанбе: Ирфон, 1989. - 40 с.
71. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. – М.: Высш.школа, 1974. - 319 с.
72. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: МГУ, 1962. - - 384 с.
73. Зоҳидов А. Калка ва баъзе масъалаҳои калимасозии забони адабии ҳозираи тоҷик/Масъалаҳои филологияи тоҷик. – Душанбе, 1985.- С.45-58.
74. Зоҳидов А. Влияние русского языка на словообразование современного таджикского литературного языка. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1992. - 16 с.
75. Имлои забони тоҷикӣ.-Душанбе: Ирфон, 1999. -24 с.
76. Илмий-амалий конференсия тезислари. /Давлат тили ҳақидаги қонунни амалга оширишнинг долзарб муаммолари. – Навоий, 1993. – 143 б.
77. Исаев М.И. О языках народов СССР. –М.:Наука, 1978. - 222 с.
78. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. –М.: Наука, 1979.-352 с.
79. Исаев М.И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. - М.,1982. -367 с.
80. Исмоилов Ш.Осорхонаи таърих//Забон ва истиқлол. - Душанбе, 2001. – С. 79-87.

81. Исмоилов Ш. Гар зи асрори сухан бӯйе барӣ/ Оинаи забон.-Душанбе, 2003. -С.74-80.
82. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. – М.: Наука, 1982.-199 с.
83. Калинин М.И. Избранные произведения. -М.: Политиздат, 1975. - 448.
84. Камолиддинов Б.Забон ва услуби Ҳақим Карим.-Душанбе: Ирфон, 1967. -188 с.
85. Камолиддинов Б.Дар бораи баъзе нуқсонҳои забони матбуоти муосири тоҷик/Оинаи забон. -Душанбе, 2003. -С.14-31.
86. Камолов Н.К. Роль внутренних и внешних факторов в процессе заимствования словообразовательных средств. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.:1981. - 28 с.
87. Каримов Г. Некоторые вопросы развития узбекского литературного языка 20-30 годов. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1972. - 36 с.
88. Касимов О. Деривация в «Шахнаме» Абулькасима Фирдавси. -Душанбе, 2006.-187 с.
89. Қиличев Э. Бадиий тасвирнинг лексик воситалари. – Тошкент: Фан, 1982. - 87 б.
90. Кодухов В.В. Общее языкознание.- М.: Высш. школа, 1974.-303 с.
91. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. - 231 с.
92. Кондрашов Н.А. Основные вопросы русского языка. – М.: Просвещение, 1985. - 128 с.
93. Кононов А.Н. Современное тюркское языкознание в СССР.Итоги и проблемы. /Вопросы языкознания, 1977.-№3. -С. 13-26.
94. Костомаров В.Г. Русский язык для иностранных студентов. –М.:Рус.яз.,1987. – 384 с.

95. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
96. Крючкова Т.Б. К вопросу о многозначности и идеологически связанной лексики /Вопросы языкознания, 1982.- №1.- С. 28-29.
97. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. - 152 с.
98. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1986. -336 с.
99. Қурилишга доир атамаларнинг русча-ўзбекча луғати. /Тузувчилар: Р.Холмуродов, К.Шарофиддинов ва бошқалар/. – Тошкент: Ўзбекистон, 1993. - 112 б.
100. Қўнғуров Р., Бегматов Э., Тожиев Ё. Нутқ маданияти ва услубият асослари. – Тошкент: Ўқитувчи, 1992. - 160 б.
101. Қўчқортоев И. Бадиий нутқ стилистикаси. – Тошкент: ТошДУ, 1975. - 340 б.
102. Қўчқортоев И. Сўз маъноси ва унинг валентлиги. – Тошкент: Фан, 1977. - 168 б.
103. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. - 214 с.
104. Лингвистический энциклопедический словарь. /Гл. ред. В.Н.Ярцева/. - М.: Сов. энциклопед., 1990. - 685 с.
105. Литературная норма и вариантность. Под ред. Л.И.Скворцова и др. - М.: Наука, 1981. - 270 с.
106. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. - 328 с.
107. Лопатин В.В. Рождение слова. – М.: Наука, 1973. - 152 с.
108. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. - 320 с.
109. Малиновский И.В. Роль идеологического фактора в формировании семантики политэкономического термина. /Реферативный журнал, 1986.- №6.- С. 66-67.

110. Мамадов Ё .М. Маъбуб-ул кулуб луғати. – Хўжанд, 1995.- 73 б.
111. Материалы юбилейной научной конференции преподавателей и студентов, посвященной 5-й годовщине независимости Республики Таджикистан. /Тезисы докладов. – Душанбе: Душанбинск. Госпедуни-тет, 1996. - 127 с.
112. Маъкамов Н. Адабий норма ва плеоназм. – Тошкент: Фан, 1988. - 94 б.
113. Махкамова Б.И.Семантические и стилистические особенности фразеологических единиц в поэзии Лоика Шерали:АКД.-Душанбе, 2006. -27 с.
114. Маъмудов М., Бердиев Б. Луғати мухтасари лаълаъои Бухоро. -Душанбе, Дониш, 1984.- 278 с.
115. Маъмудов Н. ва бошқалар. Маданий-маърифий ишлар. /Русча-ўзбекча атамалар луғати. – Тошкент: Комуслар Бош таър., 1990. - 159 б.
116. Маъмудов Н., Йаман Эртуғрул. Туркча-ўзбекча, ўзбекча-туркча луғат. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1993. - 320 б.
117. .Маъидов Ё. Забони адабии муосири тоъик. /Лексикология/- Душанбе: Дониш, 2000. -лъ. 1.-242 с.
118. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоъик. -Сталинобод, 1959. - 294 с.
119. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Забоншиносӣ. - Душанбе: Адаб, 2005.-лъ. 2.- 350 с.
120. Мирзакулов Ш.Ў. Ўзбек тилида сўз ясалиши маъноси ва парадигмаси. /Филология фанлари номзади илмий даражасини олиш учун тақдим этилган дисс. автореферати. – Самарқанд, 1995. - 21 б.
121. Мирзо Ҳасани Султон. Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмии форсӣ-тоҷикӣ. -Душанбе:Дониш, 2008. -334 с.

122. Мирабдулла ўғли М. Жуғрофий атамалар луғати. – Тошкент: Фан, 1992. - 56 с.
123. Мирзоев А.Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ.- Душанбе: Деваштич, 2002. -309 с.
124. Миртожиев М., Маҳмудов Н. Тил ва ҷамият. – Тошкент: Ўзбекистон, 1992.- 68 б.
125. Молчанова А.Н. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. - 27 с.
126. Моськина Е.В. Как называются ткани. /Русская речь, 1978.- №5.-С. 148-149.
127. Муминов Т.А. О вторичной номинации в лексике. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. - 26 с.
128. Мусин И.Х. Социолингвистические аспекты речевого поведения в условиях двуязычия. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук.– М.,1990. - 24 с.
129. Муҳаммадҷонова Г. Ўзбек тили лексикаси тараққиётининг баъзи масалалари. – Тошкент: Фан, 1982. - 88 б.
130. Муҳаммадиев Ф. Луғати синонимҳои забони тоҷик. - Душанбе, Маориф, 1993.- 271 с.
131. Навоӣ асарлари луғати. /Тузувчилар: Парсо Шамсиев, С.Иброҳимов/. – Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1972. - 783 б.
132. Назарзода С. Фарҳанги мухтасари истилоҳоти корғузори /русӣ-тоҷикӣ/. – Душанбе: Симурғ, 1993. - 121 с.
133. Назарзода С.Ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсӣ дар забони тоҷикӣ дар садаи ХХ. -Душанбе: Дониш, 2004. -240 с.
134. Насриддинов А. Пайванди забон ва тафаккури бадеӣ./Дарси хешғаншиносӣ.-Душанбе: Ирфон, 1991. - С.179-189.

135. Неменова Р.Л., Чўраев Ф. Шеваи чанубии забони тоҷикӣ (фонетика, лексика). - Душанбе, Дониш, 1980.- қ.1.- 307 с.
136. Неъматов Х. Сўз, унинг тил ва нутқдаги ўрни. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1998.- 6-сон. - 38-39 б.
137. Неъматов Х., Бозоров О. Тил ва нутқ. –Тошкент: Ўқитувчи, 1993.- 27 б.
138. Ниёзмухаммадов Б. Калимаҳои ўзбекию русӣ дар осори баъзе адибону олимони пеш аз револютсияи тоҷик./ Б.Ниёзмухаммадов. Забоншиносии тоҷик. (Асарҳои мунтахаб).- Душанбе, 1970. -С.335-383.
139. Норматов М. Забоншиносии умумӣ.- Душанбе: Маориф, 1991. – 160 с.
140. Нурматов Н. Ўзбек тили олий таълим соҳасида қўлланишига доир/ Илмий конференсия тезислари. – Навоий, 1993. - 75-76 б.
141. Нуров А. Мулҳақот бар «Ғиёс-ул луғот». – Душанбе: Адиб, 1989.- ҷ. 3.- 304 с.
142. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. /Отв. ред. Б.А.Серебренников/. – М.: Наука, 1970. - 603 с.
143. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. - 352 с.
144. Оинаи забон. Маълумоти мақолаҳо. –Душанбе, 2003. - 101 с.
145. Панов Е.Н. Знаки, символы, языки.- М.: Знание, 1983.- 247 с.
146. Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 206 с.
147. Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка.-М.: Изд-во МГУ, 1973. -200 с.
148. Пеньковская Н.П. Астролёт, звездолёт, космолёт, планетолёт. /Русская речь, 1977.- №6.- С. 57-62.

149. Плотников Б.А. Язык как исторически изменяющееся явление./-Реферативный журнал, 1984. -№4.- С. 38-39.
150. Пономаренко Л.А. Устойчивые лексемоцепления контактирующих языков. /Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Тбилиси, 1978. - 61 с.
151. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958.- т. 1-2. - 350 с.
152. Проблемы ареальных контактов и социолингвистики./ -Л.: Наука, 1978.-168 с.
153. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи /социолингвистический аспект/. – М.: Наука, 1975. -322 с.
154. Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы, изучение и развитие. /-Реферативный журнал, 1985.- №1. -С. 62-63.
155. Расторгуева В.С. О развитии современного таджикского литературного языка/ Вопросы развития литературных языков народов СССР. –Алма-Ата, 1964. -368 с.
156. Раъматуллаев Ш. Ўзбек тили омонимларининг изоъли лугати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1984. - 215 б.
157. Раҳмонов Т.И. Ҳозирги ўзбек тилидаги арабча ўзлашма сўзлар семантик тузилишидаги ўзгаришлар. – Тошкент, 1994. - 23 б.
158. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующая система. – М., 1978. – 190 с.
159. Реформатский А.А. Введение в языкознание.- М.: Аспект.Пресс, 1998.-536 с.
160. Роднина Л.А. Язык как элемент культуры / - Реферативный журнал, 1987.- № 6. – С. 88-109.
161. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь – справочник лингвистических терминов. – М., 1985. – 399 с.
162. Русско-таджикский словарь. /Под ред. М.С.Асимова/. – М.: Русский язык, 1985. - 1280 с.
163. Русско-узбекский словарь. /Под ред. В.В.Решетова/. – Ташкент: Ўқитувчи, 1971. - 623 с.

164. Рустамов А. Умумият ва тафовути омонимия ва полисемия/ Масъалаҳои забоншиносӣ.- Душанбе: Дониш, 1983. - с.46-53.
165. Рустамов Ш. Сарчашмаи файзбахш-забони тоҷикӣ.- Душанбе, 1977.-32 с.
166. Рустамов Ш. Исм. –Душанбе: Дониш, 1981.- 220 с.
167. Рустамов Ш. Мушкилоти синтаксис. –Душанбе: Маориф,1988. -344с.
168. Сабзаев С. Инкишофи маъноӣ баъзе калимаҳо дар забони тоҷикӣ./Мақтаби Советӣ, - 1979.- № 2. - С. 14-16.
169. Саймиддинов Д. Бархе аз вожаҳои кӯҳна дар ғӯишҳои тоҷикӣ./ Номаи Пажӯишгоҳ, 2002.-№2. -С.5-20.
170. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
171. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / -Реферативный журнал, 1984. - № 5. - С. 21- 40.
172. Скепская Г.И. Введение в синтагматику. – М.: Высшая школа, 1979. - 132 с.
173. Скворцов Л.И. Основы культуры речи: Хрестоматия. – М.: Высш. школа, 1984. – 312 с.
174. Словарь иностранных слов–М.:Рус.яз.,1989. -620 с.
175. Слюсарева Н.А. Фердинанд де Соссюр. Заметки по общей лингвистике. – М.: Наука, 1990. - 20 с.
176. Современный русский литературный язык. /Под ред. Н.М.Шанского/, - Л.: Просвещение, 1988. - 671 с.
177. Соссюр Ф.де. Труды по языкознанию. -М.: Прогресс, 1977.- 695 с.
178. Суяров Г.Х. Эволюция языка и принцип экономии. /Из истории лингвист. мысли в отечеств. языкознании/. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1973. - 21 с.

179. Терентьева Л.П. Семантика и прагматика лексических окказионализмов. /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1983. - 27 с.
180. Тожиев Ё. Она тили дарслиги./ 5-синф учун. – Тошкент, 2000. -280 с.
181. Тожиев Д.Т. Осори мунтахаб.-Душанбе:Девашгич, 2005. -484 с.
182. Толикина Е.И. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. /Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970. - 161 с.
183. Толстой С.С. Основы переводы с английского языка на русский. -М.: Изд-во ИМО, 1957. -200 с.
184. Тошалиев И. Стилистик норма муаммолари. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1989. 5-сон.- 26-30 б.
185. Турсунов У., Ўринбоев Б. Алишер Навоий ва ўзбек адабий тили тарихи. – Самарканд: СамДУ, 1968. - 41 б.
186. Умаров Ж. Атамалар луғати. – Кўкон: Муқимий номли Давлат педагогика институти, 1992. - 34 б.
187. Ушаков Д.Н. Орфографический словарь. –М.: Просвещение,1981.-224 с.
188. Ўзбек тили грамматикаси. Морфология. I том. – Тошкент: Фан, 1975. - 612 б.
189. Ўзбек тилининг изоъли луғати. /З.Маъруфов таъ. остида/, I том, - М.: Русский язык, 1981. - 632 б.
190. Ўзбек тилининг изоъли луғати. /З.Маъруфов таъ. остида/ II том., - М.: Русский язык, 1981. - 716 б.
191. Ўзбек тили терминологияси. Бюллетень. – Тошкент: Фан, 1987. - 48 б.
192. Ўзбек тили тараққиёти муаммолари.– Тошкент, 1992. - 129 б.
193. Ўзбек тили терминологияси ва унинг тараққиёт перспективалари / I республика терминология конференцияси материаллари. Бюллетень. – Тошкент: Фан, 1986. - 112 б.

194. Ўзбек тилшунослиги масалалари. /Илмий тўплам. Масъул муъаррир: А.Бердиалиев/, 4-китоб, - Хўжанд Давлат ун-ти, 1994.- 50 б.
195. Ўзбек тилшунослигининг долзарб масалалари. /Илмий маколалар тўплами. Масъул муъаррир: А.Бердиалиев/, 5-китоб, - Хўжанд: Хўжанд Давлат ун-ти, 1995. - 55 б.
196. Ўзбек тилшунослигининг долзарб масалалари. /Илмий маколалар тўплами. Масъул муъаррир: А.Бердиалиев/, 6-китоб, - Хўжанд: Хўжанд Давлат ун-ти, 1995. - 55 б.
197. Ўргатурк тилини яратиш муаммолари. /Халқаро илмий конференцияси тезислари тўплами. – Тошкент, 1993. - 124 б.
198. Ўзбек тили тараққиёти муаммолари. /Илмий асарлар тўплами. Таъ. Ҳайъати: М.Асқарова, Н.Маҳмудов ва бошқалар. / I китоб. – Тошкент, 1992. - 129 б.
199. Фарҳанги забони тоҷикӣ. /Дар зери таҳ. М.Шукуров ва дигарон/. - М.: Сов. энциклопедия, 1969. - ҷ. I. - 952 с.
200. Фарҳанги забони тоҷикӣ. /Дар зери таъ. М.Шукуров ва дигарон/. - М.: Сов.энциклопедия, 1969.- ҷ. II.- 950 с.
201. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. -Душанбе: Дониш, 2004.- ҷ.1. - 388 с.
202. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. -Душанбе: Дониш, 2005. ҷ.2. - 403 с.
203. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М., 1982. - 336 с.
204. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 1983. - 335 с.
205. Форсча-ўзбекча ўқув луғати./Тузувчилар: А.Рустамов ва бошқалар/. – Тошкент: Ўқитувчи, 1975. - 200 б.

206. Ҳалимов С. Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик.-Душанбе:Ирфон, 1974. -136 с.
207. Ҳасанов А. Унсурҳои луғавӣ ва сарфию нахви осори садаҳои X-XII дар ғӯиши шимолӣ (бахши Фарғонаи ғарбӣ).-Хучанд: Нури маърифат, 2003. -257 с.
208. Ҳасанов А. Сайри сухан. Нури маърифат, Хучанд, 2006. -75 с.
209. Ҳасанов Ҳ. Географик номлар имлоси.Тошкент: Фан, 1962.- 22 б.
210. Хаскашев Т.Н. Фонетикаи забони адабии тоҷик.- Душанбе: Маориф, 1989. -200 с.
211. Хаскашев Т.Н. Становление и развитие нормы таджикского литературного произношения. –Душанбе:Ирфон, 2001.- 408 с.
212. Хашимов Р.И. Таджикско-русское двуязычие /Социолингвистический аспект/. -Душанбе: Дониш, 1986. - 180 с.
213. Нӯжиев А., Бегматов Э. Ҳозирги ўзбек адабий тили ва уни ўрганишнинг ақтуал масалалари. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1982.- 5сон. 11-12 -б.
214. Ҳоҷиев А. Лингвистик терминларнинг изохли луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1985. - 144 б.
215. Ҳоҷиев А. Терминэлементлар ҳақида. /Ўзбек тили ва адабиёти, 1989. 6-сон. -31-35 б.
216. Нӯлиев С. Забони адабии тоҷик дар ибтидои асри XX.- Душанбе: Дониш,1987.-165 с.
217. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Фонетика, лексикология, морфология. /Ғ.Абдурахмонов таҳ. остида/. – Тошкент, 1966.-I қисм. - 390 б.
218. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса Пер. с англ. Под. ред. и с предис. В.А. Звегинцева. -М., Изд – во Москва, ун-та, 1972. – 259 с.

219. Хоназаров К.Х. Коммунизм қуриш даврида ўзбек тили ривожланишининг умумсотиологик аспекти. /Ўзбек тили нутқ маданияти масалаларига бағишланган республика тилшунослик конференцияси тезислари. – Тошкент, 1969. -4-7 б.
220. Шамсиева М.В. Фонетическое освоение иранских слов в русском языке /Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -М., 1973.- 21 с.
221. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. - 327 с.
222. Шанский Н.М. В мире слов. – М.: Просвещение, 1985. – 255 с.
223. Шаропов Н. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка. –Душанбе: Дониш, 1988. – 135 с.
224. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка, 4-ое изд. – М.: Учпедгиз, 1941. - 382 с.
225. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. /Теория, проблемы, методы/. – М.: Наука, 1976. - 176 с.
226. Шерали Лоик. Дар дураха./Дарси ҳештаншиносӣ. - Душанбе: Ирфон, 1988. -С.148-153.
227. Шералиев Э. Ленинобод вилоятидаги ўзбек шеваларининг лексик-семантик хусусиятлари. – Хўжанд: Хўжанд Давлат ун-ти, 1993. -63 б.
228. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. -М.: Наука, 1977. -168 с.
229. Шоабдурахмонов Ш., Аскарлова М., Ҳожиёв А., Расулов И., Дониёров Х. Ҳозирги ўзбек адабий тили., - Тошкент: Ўқитувчи, 1980. -I қисм. - 448 б.
230. Шоабдураҳмонов Ш. Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. -Тошкент: Ўздавакаднашр,1962.- 372 б.
231. Шодиев М.С. Лингвистический анализ топонимов произведений Садрриддина Айни. /Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Душанбе, 1994. - 22 с.

232. Шукуров М.Забони мо хастии мост.–Душанбе: Маориф, 1991. -232с.
233. Юсупов К. Ўзбек ва тожик тилларининг ўзаро таъсири. – Тошкент: Фан, 1974. - 114 б.
234. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука,1974. – 428 с.
235. Энциклопедический словарь юного филолога. - М.: Педагогика, 1984. - 351 с.
236. Языковая номинация./Общие вопросы. - М.: Наука, 1977.–т.1. - 360 с.

Ба чопаш 04.05.2010 с. имзо шуд.
Андозаи 60x84 1/16. Љузъи чоғи 9,3
Адади нашр 100 нусха. Супориши № 90

Матбааи ДДОТ ба номи С.Айни
хиёбони Рӯдакӣ 121